18+

Александр Черенов

ИЗ ЗАПИСОК ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

Александр Черенов

Из записок Лаврентия Берии

«Издательские решения»

Черенов А. С.

Из записок Лаврентия Берии / А. С. Черенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519025-3

Стилизация под исторический документ — не изобретение автора. Пример: Маргерит Юрсенар и её «Воспоминания Адриана». И здесь автор предлагает как подлинный квазиисторический документ жанра мемуаров. Приданием художественному произведению формы исторического документа автор как бы передоверяет свои права эпохе, и она начинает вспоминать о себе сама. Роман основан на подлинных фактах биографии главы НКВД. «Полёт авторской фантазии» ограничен рамками того, что неизбежно вытекает из логики событий.

ISBN 978-5-00-519025-3

© Черенов А. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие редакции 6
Предисловие автора 7
Глава первая 10
Глава вторая 17
Глава третья 22
Глава четвёртая 27
Глава пятая 35
Глава шестая 40
Глава седьмая 45
Глава восьмая 51
Глава девятая 59
Глава десятая 63
Глава одиннадцатая 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Из записок Лаврентия Берии
Александр Семёнович Черенов

© Александр Семёнович Черенов, 2020
ISBN 978-5-0051-9025-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие редакции

«Когда изолировали Берию, он попросил карандаши и бумагу. Мы посоветовались между собой… а потом решили, может быть, у него появились какие-то побуждения рассказать искренне, что он знает о том, в чём мы его обвиняли. Он начал писать записки…» (Воспоминания Никиты Сергеевича Хрущёва).

А что, если Никита Сергеевич ошибся не только с кукурузой и Леонидом Ильичом – и Берия написал не только те записки, которые адресовались «товарищам Маленкову и Хрущёву»?! Тем более что и бумаги, и карандашей, и времени ему хватало?! Оснований исключить такую возможность не больше, чем исключить «постановку суда» над Берией. И редакция приняла решение не исключать такой возможности. Полагая рукопись, оказавшуюся в её распоряжении, достоверной, редакция отнюдь не призывает следовать её примеру. Она рассчитывает лишь на то, что эта публикация, как минимум, вызовет интерес у человека, пытающегося дойти до истины не только своими ногами, но и своими мозгами.

P.S. Редакция честно сознаётся в редактировании отдельных мест без ведома автора. Но как бы мы могли это сделать, не имея «обратной связи»?! Да и редактировали мы не мысли, а только слова… ну, кое-где ещё уточнили и дополнили некоторые цифры. И, потом: частично признаваясь в косноязычии, автор не раз сожалел об отсутствии редактора! Мы расценили сожаление как пожелание – и, вот, «они нашли друг друга»! Да и, что тут такого?! Вон, те же спортсмены или генералы, чьим вкладом в «собственные» мемуары являются только имена на обложке – и ничего: «авторы»! Думается, в свете высказанных соображений, автор не был бы… не будет… не есть в претензии на редакцию… и её редакцию. Может, он уже и одобрил нас.

P.P.S. И ещё: мы публикуем труд Лаврентия Павловича под оригинальным, пусть и не слишком оригинальным, названием. Во вкусах мы «совпадаем» с автором, но уже «с другой стороны». Название «Из записок Лаврентия Берии» верно и в смысле того, что мы… сделали из записок Берии! А мы придали им «товарный вид» и подготовили к «употреблению», не посягая на авторскую манеру и оценку фактов. Если это не благо, то, как минимум, грех средней руки.

Предисловие автора

«Из записок…». Я уже слышу вопрос: «почему так скромно? Почему не развернулся на полноценные мемуары? Или, хотя бы на «Записки»? Материала не хватило или духу?». Отвечаю: материалов – с избытком, хоть конкурс устраивай. И на отсутствие духа не жалуюсь. Но кое-чего действительно не хватает. Только не надо крутить пальцем у виска: не мозгов – времени. А не хватает его по причине «дружков».

Да, уж: «дружки-подельники»!.. За одно только и можно их поблагодарить: за бумагу и карандаши. Снабжая меня, эти умники думали, что в благодарность «дурак» Берия либо начнёт «колоться», либо продолжить валять дурака с «записками старым друзьям» на тему «SOS!». Пусть думают, а я «поваляю дурака» в другом направлении – по линии мемуаров. В этом отношении название «Из записок…» – наиболее точное. Это тот случай, когда форма отвечает содержанию. Ведь Хрущёв с Маленковым думают, что я пишу записки только одного «ассортимента»: им лично. Ну, а я немножко «вышел за рамки»! Так, что, как ни крути – «Из записок…»!

Но времени действительно, не «вагон с тележкой». Время поджимает меня, потому что его поджимает следствие, а уже его – кремлёвские заказчики. Поэтому мне надо стараться. Нам с судьбой надо стараться. Мне – для того, чтобы успеть хоть что-нибудь написать. Ей – для того, чтобы хоть кто-нибудь успел прочитать то, что я успел написать.

Отсюда – цель: смахнуть пот со лба под текст «Ещё одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя». Поэтому мне не до развёрнутых воспоминаний – про папу с мамой, про дедушку с бабушкой. Пойди я путём классического мемуариста, мне не дойти и до середины. Значит, остаётся лишь одно: изливать из себя наболевшее, плюя на условности и хронологию. Ведь я взялся за карандаш и бумагу не в контексте установки «бойцы вспоминают минувшие дни», и не для того, чтобы поделиться жизненным опытом с подрастающим поколением.

Так, что, не мемуары это, а, скорее, воспоминания и размышления. Так сказать, «Былое и думы». Мне действительно есть, о чём поразмыслить… пока есть, чем. По причине лимита времени и не самых комфортабельных условий мысли мои – подчас хаотичные и обрывочные. Классические мемуары так не пишутся. Для их написания требуется большой «научный аппарат». Нужно сидеть в архивах, в библиотеках, «перелопачивать» тысячи страниц документов и чужих мемуаров, встречаться с очевидцами, подключать всевозможных помощников к делу сбора материалов и редактирования текста.

А у меня всё – не так. Никого я не подключу, и ничего я не «перелопачу». Потому что сижу я не в архиве и не в библиотеке, а в одиночной камере. Отсюда у меня не может не быть мыслей Екклесиаста: «суета сует, – всё суета». Это я – насчёт перспектив и читателей, и тех, и других – отсутствующих. Ведь «дружки», если и снизойдут, то лишь до первой характеристики!

Зачем же я тогда пишу? Из верности принципу графомана: «Не могу не писать»? Отчасти – да, но по другим соображениям. Я ведь не жду ни денег, ни признания. Хотя бы потому, что не дождусь. Моя судьба после июльского Пленума – дело ясное. Потому, что тёмное. Будь оно хоть чуточку светлее, я бы всё ещё существовал в режиме «надежды юношу питали».

Откуда я знаю о Пленуме? Элементарно: «товарищи» «просветили»… чтобы на душе стало ещё темней. И всё же я пишу: рука сама тянется к огрызку карандаша. Я пишу и буду писать! Лучше, уж, изливаться мыслями, чем слезами! «Рецепт выздоровления»: «чем больше слёз, тем больше облегченья, в слезах и заключается леченье!» – не для меня!

Есть и другое обстоятельств: «audiatur et altera pars». «Да будет выслушана и другая сторона». Ведь мне столько уже «нагрузили», что давно пора «разгружаться» с тем, чтобы «сгрузить» хотя бы лишнее.

Итак, за лимитом времени я опускаю «розовое детство и розоватую юность» (мерси, Остап Бендер!). По этой же причине я буду говорить лишь о том, о чём не могу молчать. О том, что приходит на ум само, без спроса, а не по плану мемуариста. Удивительным образом моё вынужденное желание иногда совпадает с «любопытством» следствия. Ведь я пытаюсь остановиться именно на тех вопросах, которые уже сегодня мне «отгружают составом преступления». Вот их краткий перечень. «Как этот враг народа пробрался в органы» – раз. «Как ему удалось натворить то, что ему удалось натворить» – два. «Как он вредил в годы войны» – три. «Как он злоупотреблял доверием Хозяина» – четыре. «Как он не участвовал в добрых делах» – пять. «Что поделывали его подельники – и что он поделывал с ними» – шесть. Ну, и семь – уже от себя: «как я дошёл до жизни такой». До одиночной камеры, то есть, и не по обвинению в революционной деятельности?

Да, уж, товарищи, не скупясь, поделились со мной «коллективным творчеством»! Поделились так: «чёрное» – достояние Берии, «белое» – «партии и народа», врагом которых и объявлен Берия. Отсюда и семь вопросов. Как будто немного… и много. Каждый – словно кусок жизни. Вспомнить всё трудно. И не потому, что не помнится – иногда и наоборот. Поэтому я не гарантирую последовательности. И освещения всех «тёмных пятен» я не гарантирую. На всех у меня «не хватит батареек». Заодно я не гарантирую «Толстого из Берии»: ну, нет у меня ни талантов, ни времени на «причёсывание»! Поэтому я буду лишь излагать факты такими, какими их представляю. Если не получится удовлетворить чьё-то персональное любопытство, не обессудьте, мои «условно-расчётные» читатели!

Меня не смущает то обстоятельство, что мои воспоминания не дотягивают и до уровня «Записок». Я – не тщеславный мемуарист, ревниво подсчитывающий объём страниц. Напротив, выборочный характер не только позволяет рассказать о главном, но и даёт надежду на то, что хоть что-то из написанного дойдёт до читателя! (Под читателем я понимаю, разумеется, не «кремлёвских книголюбов»).

Вот, если бы мне повезло со временем, я бы смог выйти не только из себя, но и «за рамки». То есть, развернуться по-русски, «во всю ивановскую», даром что я – грузин Лаврентий! Бояться мне нечего, потому что рассчитывать не на что – а там, «за рамками», самый смак! Но, увы!

И «увы» не оттого, что не хватит бумаги или карандашей: «дружки» не пожалели «инструментов» в расчёте на «самодонос». Принадлежности мне выдали под честное слово использовать их строго по назначению. Под честное слово выдать им… честное слово о самом себе!

От слова я, кстати, не отказываюсь. Даже от честного. Только, боюсь, оно выйдет совсем не тем, которого от меня ждут «наверху». Не тем, и не там. Боком, то есть, и не обязательно только моим. Именно потому, что слово – честное! Да и по вопросу «назначения» мы уже разошлись.

Наверно, поэтому меня перестали снабжать «орудием производства»: дошло что-то. А, может, хотят поторопить. Не терпится «друзьям» узнать правду, и уже не обо мне, а о себе. После того, что мне «нагрузили», они едва ли сомневаются в моей верности установке Нерона: «Скажи, кто я – скажу, кто ты!». Именно по этой причине других читателей, кроме них, мой труд нескоро обрящет. Если обрящет. Но, пока есть запас и пока, так сказать, «… свободою горим, пока сердца для чести живы, страницам этим посвятим души прекрасные порывы». Ничего, да? (Я имею в виду себя и декабристов).

Да, не зря сказано: время – деньги. Я даже готов «пойти от обратного»: не время – для денег, а деньги – для времени! Уж, я бы вывернул карманы за пару лишних – и совсем не лишних! – недель! А всё потому, что слишком навязчиво общество Руденко и Ко. Видимо, «там» решили «подпереть „самодонос“ плечами товарищей». Но пока там ждут от меня документа, которым я собственноручно «изобличу себя», я буду «себя изобличать». Только бы хватило

времени! Это – заблуждение, что у арестанта его – «вагон и маленькая тележка». Раз на раз не приходится.

В моём случае время – товар дефицитный. То его нет, то оно появляется тогда, когда пропадает настроение. Уж, слишком очевидно проглядывают мои перспективы. В плане их отсутствия. Отсюда и грехи с огрехами: пишется так… как пишется!

Предвижу законный вопрос: как я могу говорить об огрехах, если ещё и не начал «грешить»? Признаюсь: начал. Давно начал. Это вступление я добавил к уже написанным страницам. В три приёма добавил: третий, в котором я признаюсь – не в грехах, а в огрехах! – сегодняшний, от 22 декабря 1953 года. Да, на дворе – уже декабрь, а взяли меня в июне. Так, что изъяны уже «взошли и заколосились». Отсюда и признание в них. Будь я литератором, я бы непременно «причесал» рукопись. Тем более что и времени неожиданно стало больше. Парадокс: всего несколькими строками выше я жаловался на дефицит времени, а теперь меня уже целую неделю не водят на допрос! Странное затишье. Уж, не поручили ли кому-нибудь «представлять мои интересы без доверенности»?

Увы, нет у меня под рукой литзаписчика, а самого Господь не сподобил! Поэтому лучше я потрачу это время на воспоминания. Я пока далёк от того, чтобы повторить вслед за пушкинским героем: «ещё одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя». О многом ещё не вспомянуто, много ещё осталось за кадром. Так что, моя летопись ещё далека от конца – в отличие от меня самого. (Опять пустил соплю: «житие мое»!)

Конечно, я – не только не писатель, но и не самый большой грамотей. Не то, что Сева Меркулов. Ну, тот, который Всеволод Рок. Вот, у кого слог! А я – практик. Я больше по части дела, чем слова. Нет, у меня тоже были слова, и не только матерные. Но моя «литературная деятельность» ограничивалась, в основном, резолюциями и указаниями. Так, что – какой я литератор?! Некоторые даже считают, что я без бумажки двух слов не свяжу. Это неверно: я и три могу связать. Точнее, два слова и один предлог. Те, что «для связки слов». Замечание справедливо лишь в части официальных речей. С казёнными фразами у меня действительно беда.

Но воспоминания – это ведь не доклад на пленуме. Так, что, я постараюсь разочаровать своих критиков. И, потом, мне думается, что при всех литературных недостатках, в любых воспоминаниях главное – воспоминания. То есть, факты и их оценка. «Мысли по поводу». И, если автору удастся заинтересовать читателя, не оставить его равнодушным, ему, думаю, простятся шероховатости.

Но и это для меня не главное: «развлекать, поучая» – задача искусства. А для меня главное – оказаться понятым. Для начала, конечно, хотя бы «услышанным»! Я не хочу, чтобы единственным документом, по которому судили обо мне и моей жизни, стал приговор суда. Я нисколько не сомневаюсь в том, что документ будет «живописать» и «изобиловать».

И, если, прочитав эти записки, хоть один человек задумается над вопросом «а был ли мальчик?» и «что там выплеснули вместе с ребёнком?», я буду считать свою миссию выполненной.

И, напоследок: мой труд не претендует на истину в последней инстанции. Это всего лишь мой взгляд на историю. Хотя разве сама история не есть всегда чей-то взгляд на события прошлого?! Как закруглил, а?! Хорошо, что успел записать!

Так, что – с искренним уважением к будущему читателю не из Кремля

Л. Берия,

22 декабря 1953г.

Глава первая

«Время – начинаю про Берию рассказ». Небольшая редакция – и получилось хорошее начало. Спасибо, Владимир Владимирович, за подсказку – дальше я сам! «Хорошее начало»… Да, что хорошего?! Я – о начале… с мыслями о конце! Как подумаю – карандаш из рук валится! Ничего хорошего на ум не приходит, потому что «не приводят»! А тут ещё беспросветность в мозгах: ведь ничего хорошего «не светит»! Как в таких нехороших условиях работать хорошо?! А ведь хорошо надо делать даже нехорошее дело – уж, поверьте моему жизненному опыту! Как творить – не вытворять и не натворять! – когда на уме лишь одно: «Сижу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе орёл молодой»?! Как мыслить, когда все мысли на одну сторону оттого, что тебе «шьют дело» и «лепят чернуху»?!

Только не надо банальностей типа «Не знаешь с чего начать, начни с конца!». Совет не по адресу. Мне ли не знать, с чего начать?! Проблема – в другом: хоть с конца начни, хоть с начала, конец будет один! И уже не у «Записок» – у меня! Да и как начать, когда душа разрывается на части от одной лишь мысли о таком начале?! Поневоле вспомнишь старушку Ягу: «Не ангина у меня, не хвороба: душит бабушку Ягу злая злоба!». Никаких параллелей, но меня душит то же самое. Поэтому начало может быть лишь таким и никаким другим. Спасибо «товарищам» за то, что я начинанию с конца, да ещё «плачем Ярославны». Это они обеспечили такое начало воспоминаниям, и такой конец мне.

И пока не пришёл конец мне – такой финал вероятен, «минимум», на сто процентов – я и начинаю с конца той истории. Конец этой истории писать, увы, не мне. И хоть писать его будут чернилами и на бумаге, но точку поставят прямо на мне. Так, что, пока «там» в моей истории ставят запятые, у меня есть шанс «вспомнить всех поимённо, горем вспомнить своим». А всё потому, что «это нужно не мёртвым, это надо живым». Отсюда какой вывод? Правильно: «К топкам, товарищи! К топкам!»

Владимир Владимирович утверждал, что начинает свой рассказ «не потому, что горя нету более». Не знаю, как, там, Владимир Владимирович, но я начинаю свой рассказ именно потому. Именно потому, что горя нету более. Так и есть… что нет. В смысле: «нету». Потому что наболело так, что прямо… наболело! Ни о чём другом и не думаешь, как о том… о чём думаешь! Все мысли – на одну сторону: «Верить ли глазам и слуху? Не страшный ли сон…?», как говорил один товарищ у Чехова. Как могло случиться то, что случилось?! И опять же из Чехова: «Увы, это не сон, и зрение не обманывает нас!». Человек, одно имя которого заставляло «делать в штаны» министров и генералов, кормит теперь клопов в «одиночке» армейской гауптвахты! Того, кого нельзя было обставить даже в теории, обставили на практике!

Я не оговорился: именно обставили. Обставили в игре, в которой все козыри были у меня на руках! Согласен: в игре случается всякое. Но только не в этой. В этой всякого не должно было случиться. В этой должно было случиться лишь то, что должно было случиться… по моему плану!

По сценарию, написанному мной! Ведь каждая роль – роль каждого – была расписана заранее! Каждый должен был появляться на сцене в своё время и со своим – от Берии – текстом! К этой игре я начал готовиться ещё до финала Хозяина. Он «кончался», а она начиналась! Ещё четвёртого марта, когда мы втроём: я, Хрущёв и Маленков – уединились на даче «для решения оперативных вопросов». Ещё живому Хозяину делали «мёртвому припарки» – а мы уже решали, что и как.

Почему именно мы, и почему именно втроём? Ни первое, ни второе – не вопрос: так исторически сложилось. Такая, вот, «дружба между народов», как говорил Никита. Нас так и считали: «дружки не разлей вода». Хотя, честно говоря, и воды не требовалось. А всё потому, что в политике не бывает друзей. В политике есть только соратники, они же подельники. Вот

такими соратниками-подельниками мы и были с Никитой и Егором. Оно и понятно: втроём легче держаться. И потом, нас объединяло ещё одно ценное качество: мы не были ортодоксами типа Молотова и Кагановича. Конечно, всякий по-своему. Но уже на закате Хозяина мы понимали: «Хозяина-бис» не будет. В смысле «второго издания». И не только потому, что так дальше жить нельзя, но и потому, что уже не получится. Для продолжения в том же духе ни у одного из нас не хватило бы… духа. То есть, ни один из нас не тянул на роль Хозяина. Хотя, честно говоря, и не пытался тянуть: эта роль была нам не только не по плечу, но и не по душе. Роль такого Хозяина – обуза и тяжкий крест.

Но, при всём, при том, наверх стремились все. На самый верх. Я имею в виду всех из нашей «троицы». Слава Богу, освобождающихся «от Хозяина» вакансий хватало. Нужно было лишь сделать правильный расчёт. То есть, правильно рассчитать силы и перспективы. Мне казалось, что я верно определился с позицией на доске, и правильно двинул фигуры.

Именно поэтому я предложил Маленкову портфель главы правительства, а Хрущёву стул во главе стола в Секретариате. Сам предложил! Себе же я оставил портфель одного из замов Предсовмина, а уже Хрущёв «догрузил» меня Министерством внутренних дел.

Почему я так поскромничал? Потому что «divide et impera!»: «Разделяй и властвуй!»? Отчасти так. Но больше – потому что хоть и не царём во главе, но «с царём в голове»! Я же говорю: я всё правильно рассчитал… То есть, думал, что правильно рассчитал. Я был уверен в том, что Маленков не потянет Совмин и партию «в одной упряжке», поэтому фактическое главенство Никиты в ЦК вскоре станет юридическим. Да и ход насчёт Совмина был неглупым. Ну, какой из Егора глава правительства?! Он же партаппаратчик чистой воды! Конечно, он может работать и по хозяйственной линии, но только по какой-нибудь одной, да и то «под кем-то». Ну, вот, нет у товарища данных на роль вождя. Не сподобил его Господь. «Ни кожи, ни рожи», хотя рожа – дай, Боже!

Ну, а Никита с его начальным образованием – тем более «командный игрок»». И не я его туда зачислил: он сам себя. Оба моих «друга» хороши лишь как краски на холсте. На «художника» никто из них не тянет. Для этого надо быть Хозяином… или мной. Так я думал тогда, так я думаю и теперь, когда меня обставили, и даже «поставили». Я неправ? Ведь, в конце концов, именно два этих «тюфяка» оказались сверху! И не просто сверху: на мне – светоче и, не побоюсь этого слова, «светильнике»! А ведь я был так уверен в своих расчётах! Под эту уверенность у меня было всё: аппарат, люди, сила. За мозги я и не говорю – это само собой разумеется. Да и «дружки» не подводили: соответствовали отписанным ролям.

Разумеется, товарищеские отношения мы не пускали на самотёк. Поэтому, как и прочие верные «камарады», мы присматривали друг за другом. На языке партийных чиновников это называется «принцип коллективного руководства». Нет, конечно, никому не возбранялось выглядеть хорошо, если только не за счёт другого. Поэтому я не видел ничего страшного в том, что и Маленков, и Хрущёв уже на следующий день от проводов Хозяина стали осуждать «культ личности». Меня вполне устраивало такое их «умеренное реформаторство». Сам я смотрел глубже и дальше вследствие разности наших потенциалов. Даже сейчас, пребывая на нарах, я не отказываюсь от своих взглядов… на «товарищей». Я буквально кожей ощущаю эту разность потенциалов. Значит, обставили меня совсем по другой причине. Ведь обставили?! А, раз так – значит, была причина! Следствие не бывает без причины, и, как диалектический материалист, я не могу этого отрицать!

Вероятно, именно от суммы взглядов и представлений – а «товарищей» и о них – и случилось то, что поэт определил словами «лицом к лицу лица не разглядеть». Я не смог разглядеть лица «товарищей», хотя не только приглядывался, но и приглядывал. Вот оно – следствие «работы на два фронта»: всё время приходилось отвлекаться на конкретные дела. Я реформировал органы, вносил предложения о реформе государства и общества, доказывал, убеждал, «проталкивал». И пока я убеждал «товарищей», «товарищи» убеждали себя и друг друга в том,

что я им не товарищ. И я им в этом невольно помогал! В результате, пытаясь расшевелить болото, я расшевелил осиное гнездо!

Конечно, я понимал, что мой «радикализм» уже начинает пугать «соратников». Даже тех, которые – «радикалисты-минималисты»: Маленкова и Хрущёва. Никита и Егор согласны были исполнить соло и дуэтом «Отречёмся от старого мира», но на практике отрекаться от него они и не думали! Заходить так далеко по линии перемен они не хотели и не могли. Как это писал Горький: «… гром ударов их пугает». А все остальные «участники коллективного руководства» – так и вовсе «гагары и пингвины». И это при том, что я старался зарываться по минимуму! Я только «вешками» обозначил свои намерения! Если бы они узнали обо всех моих планах,, их бы кондрашка хватила!.. Хотя, не исключено, что меня она хватила бы прежде – благодаря стараниям «товарищей».

Кстати, насчёт планов. Сейчас мне «грузят» подготовку государственного переворота и захват власти. Это даже не смешно: для чего захватывать власть тому, кто и есть власть?! Ну, честное слово: не собирался я захватывать власть! И не от скромности, а потому, что в условиях «переходного периода» «работа вторым номером» – идеальный вариант. «Вызываю огонь на себя» – это для «ненормальных героев»! А я лишь «вносил предложения для коллективного принятия решений». Я не собирался «копать» под Егора: он и без меня «управился бы с лопатой». Да и он ещё управится – дай срок! Государственных мозгов у товарища нет, прожектов – ещё меньше, а вот, грехов – «выше крыши»!

По совокупности причин я бы не только не стал «толкать падающего», но и протянул бы ему руку помощи и подставил дружеское плечо. Относительно дружеское, конечно: не от большой любви – а по трезвому разумению. Мне Георгий нужен был в качестве проводника моих идей, выдаваемых за плод коллективного творчества. Зачем рубить сук, на котором сам и сидишь?! Это я – о Маленкове и себе, «заговорщике». Меня вполне устраивал такой Предсовмина: без идей, но с амбициями. Идеальный «путепровод», он же «громоотвод».

Сейчас меня обвиняют в том, что я приказал Артемьеву пропустить в Москву дивизию МВД – якобы для штурма Кремля. Ну-у, ребята! Во-первых, не дивизию, а батальон. Во-вторых, не для штурма, а в порядке ротации личного состава. Плановой ротации, то есть, замены уставших товарищей отдохнувшими. Нормальный рабочий процесс. Нет, конечно, элемент демонстрации силы имел место. Но ведь не из своекорыстных побуждений, а для пользы дела! «Для просветления в мозгах». А то в последнее время товарищи стали всё чаще говорить мне «нет». Даже не столько мне, сколько здравым мыслям.

И, что самое интересное: мне они стали говорить «нет», а друг другу «да»! Откуда я это взял? Из песни: «но разведка доложила точно!» В интересах дела я попросил коллег «подключиться к товарищам»… и оказался в курсе отдельных критических замечаний в свой адрес. Эти замечания в тот момент ещё не приняли организованных форм, и я позволил себе преступную халатность: как неисправимый гуманист, отложил решение вопроса товарищей «на потом»! Прямо в духе Христа: «пока братья их, которые будут убиты, дополнят число»! Это вместо того, чтобы немедленно «охватить товарищей участием»! Именно поэтому сейчас клопов давлю я, а не мои «товарищи».

Вот так меня подвело высокое. Не знаю только, какое именно больше: то ли недостаточно высокие достижения науки и техники, размещённые в высоких кабинетах моих высокопоставленных «друзей», то ли слишком высокое мнение о себе на фоне невысокого мнения о других?

Но тогда, оказавшись частично в курсе, я решил всего лишь популярно объяснить товарищам их ошибки. С тем, чтобы они не стояли «на пути технического прогресса». Нет, я не собирался отнимать у Георгия его кресло, так же, как не собирался выставлять кого-то из Президиума ЦК.

Я всего лишь хотел предостеречь товарищей от неверных шагов… в мою сторону. Поэтому Жора мог спокойно зиц-председательствовать на Старой площади и в Кремле.

Какой же это переворот?! Какой штурм?! И потом: разве мы с Хрущёвым и Маленковым – не исполнители одной роли, так сказать, «в очередь»?! Разве они не играли в реформаторов?! Разве не красовались они как проводники нового стиля руководства, о котором и понятия не имели, и которого, как не было, так и нет?! Я не препятствовал им в этом: никому не возбраняется зарабатывать авторитет. Если, конечно, это – в рамках «мирного соревнования двух систем». Чья верная линия окажется «вернее», тот и станет «верным ленинцем», а заодно и победителем в соревновании! На то он и переходный период, чтобы переходить не только от одной системы к другой, но и от одного руководителя к другому! Это же азбука! Я ведь никому не ставил подножку! И даже не думал… пока!

Но я недооценил «товарищей». Нет, я никогда не считал их простаками. Но пока я смотрел на товарищей, как на баранов, они уже успели разглядеть во мне «жертвенного барана». И не только разглядеть, но и назначить в него. За повседневными делами я и не заметил, как вчерашние дружки «стакнулись» против меня. «Стакнулись» практически те, кто не должен был «стакнуться» и теоретически. Вот он, закон единства и борьбы противоположности в действии! А теперь интриганы обвиняют в интригах меня. Всё правильно: кто громче всех кричит «Держи вора!»?!

Вот пишу эти строки – и плачу. Плачу слезами шолоховского Половцева. Помните: «Плачу, что не удалось наше дело на этот раз». Но другого раза уже не будет. Мне попросту не хватило времени. Продержись я ещё немного, и они не посмели бы отработать в режиме «вали кулём – потом разберём». Народ бы уже почувствовал на себе пользу от реформ, которые и так связывались с моим именем. При таких обстоятельствах обозвать меня «заговорщиком» и «агентом» ни у кого не хватило бы духу. Зато хватило бы мозгов не делать этого. Но я ошибся в расчётах: как говорят футболисты, «товарищи сыграли на опережение».

Неловко признаваться, но ничего другого не остаётся: я влип, как кур во щи. Или в ощип. Попал в силки, в сети… вляпался, одним словом. Утешает лишь одно: я не мог не вляпаться. Ведь меня сцапали не на улице, а в святом для каждого большевика месте: в Кремле, в кабинете первого человека страны. Началось с того, что 26 июня утром мне позвонил Маленков. Сказал, что на одиннадцать часов намечается совместное заседание Совета Министров и Президиума ЦК. Повестка: обсуждение вопросов экономических реформ, в том числе, и моих предложений по ним.

Не клюнуть на такую «мульку» я не мог. Я ведь и так бился об этих «реформаторов», как рыба об лёд – а тут они сами напрашиваются на консенсус! Эх, прислушаться бы мне тогда к интонациям голоса «друга»! А ведь он буквально звенел от напряжения! Наверняка, Жорик в этот момент «промочил штаны», а я не услышал звона капели!

Ничего странного ни по дороге, ни в Кремле я не заметил. Всё было, как обычно: мои люди, моя охрана. К сожалению, всё, как обычно, было и в кабинете у Георгия: битых два часа «лили воду», мололи чепуху, убивали время, которого после Хозяина никому не было жалко. Кроме меня: я жалел, что пришёл на эти посиделки. Ведь пока я сидел, работа стояла! Так продолжалось вплоть до того времени, пока Маленков не объявил последний вопрос повестки: о деятельности Берии.

Вот тут у меня отвисла челюсть: такого вопроса в повестке не было. И, главное, Жорик не шутил: со мной такие шутки не по зубам даже Жорику. Ведь даже при Хозяине такой вопрос не ставился ни разу. Я ещё не понял, «в каком разрезе» он будет освещаться, но уже почувствовал нутром, что дело – швах. Постфактум вспомнились напряжённые лица участников заседания во время этого «толчения воды в ступе». Лишь теперь до меня начало доходить, что это была преамбула.

А Маленков уже «грузил» мне всё, что было под рукой. Припомнил и ГДР, и Югославию, и дивизию МВД, и якобы слежку за членами руководства, хотя я не следил, а всего лишь

приглядывал – так же, как и они за мной. Следом за меня взялся Молотов. Этот сходу обозвал меня перерожденцем. Но Хрущёв тут же «заступился за меня»:

– Берия – не перерожденец! Перерожденец – это тот, кто был коммунистом, а потом перестал им быть! А Берия никогда и не был коммунистом! Это – чуждый партии элемент! Такому не место в её рядах!

Словом, «определил» меня Никита. Вот так: «не место в её рядах»… Признаюсь честно: политическое мужество, столь присущее мне, на какой-то момент оставило меня. Таких обвинений я не ожидал, потому что не заслужил. Ну, одно дело, когда я не встретил понимания по вопросу социализма в ГДР. Там был «творческий спор», и я временно уступил Вячеславу. Но сейчас меня клеймили даже не как троцкиста или правоуклониста: как врага! И ведь ни одна сволочь не заступилась, если не за меня, так хоть за правду!

Нет, вру: одна заступилась. В лице Микояна. Анастас оказался верен себе: «и вашим, и нашим одинаково спляшем»:

– Товарищ Берия – хороший работник. А ошибки бывают у всех. Я думаю, что он учтёт наши критические замечания и исправится. Я считаю, что Берию неправильно исключать из партии.

Несмотря на неподходящую ситуацию, я даже сподобился усмехнуться: вспомнился анекдот – и, как раз, к случаю. «На улице – дождь, а Микоян – без зонта. „Как же Вы, Анастас Иванович?“ – Не беспокойтесь, товарищи: я – между струйками, между струйками!». В этом – весь Анастас. Дяденька на всякий случай решил подстраховаться: а вдруг я вывернусь, и потом это ему зачтётся? Цена такому заступничеству – пучок пятачок. Вот, если бы за меня вступился Маленков или Молотов – другое дело. Чтобы закрыть вопрос, любому из них достаточно было открыть рот. А так на Анастаса цыкнули – и «загнали под лавку». Даже загонять не пришлось – сам «полез».

Пока я «благодарил» Микояна, Жорик уже «выставил на торги» моё членство в партии. Это благотворно сказалось на моих голосовых связках, а то я всё больше налегал на укоризненный взгляд, словно забыв, что этот народ осадной мортирой не прошибёшь, не то, что взглядом.

– За что вы собрались меня исключать? – говорю. – Или мы – не из одного «лукошка»? Или я выпадал из дружного коллектива? Или мы с вами дудели не в одну дудку? Нет: так же, как и все вы, я выполнял решения партии и указания Хозяина. Никто из вас не ставил прежде мне это в вину! И о каком заговоре вы говорите?! Какой циркуляр Берии о мобилизации всех сил МВД и переводе на режим полной боевой готовности?! Покажите мне его!

Если я рассчитывал на успех контрнаступления, то напрасно. Даже, если бы я завернулся в красное знамя, всё равно не перестал бы быть для них «белым». Ну, вот, определили меня туда. Досрочно. Задолго до «обвинительного заключения» Маленкова и моей защитительной речи.

В итоге долго митинговать мне не позволили. И не потому, что я начал перехватывать инициативу. Вероятно, моя речь не вписывалась в сценарий, хотя и не слишком влияла на него. Увы, в этом сценарии мне была отведена роль крыловского персонажа, который «виноват лишь тем, что хочется мне кушать». Наверняка «устроители» предвидели и «лёгкую оппозицию» Микояна, и даже предусмотрели её в сценарии, ибо быстро поставили товарища на место, усадив его на стул.

Хотя в какой-то момент мне показалось, что Маленков «зашатался» – даже сидя за столом. Но, если это и было так, то момент не затянулся дольше, чем… на момент. Потому что уже в следующий момент Жорик начал шуровать рукой под столом. Почти тут же в зал вошла группа военных. Первым шёл Жуков, за ним – Москаленко. Из остальных я знал только Неделина и Батицкого. Дрожа не одним лишь голосом, Маленков скомандовал-пролепетал:

– Именем советского закона арестовать Берию!

Законник хренов! Такого свинства я не ожидал… Хотя – нет: лишь такого свинства мне и следовало ожидать. Только оно одно и могло быть. Этот народ полумерами не ограничивается. Это – не то, что при Хозяине: вначале тебя переводят на другую должность, потом вокруг тебя начинают зиять пустоты, и лишь после зачистки территории за тобой «приходят товарищи». А «эти» не могли позволить себе такой роскоши: «всего лишь» исключить Берию из партии. Они ведь понимали, что с Берией такой номер не пройдёт. Что Берия не станет посыпать голову пеплом. Разве что – головы. Головы этих товарищей – их же пеплом. Я говорю, разумеется, иносказательно: я бы разгромил заговорщиков идейно. Конечно, идейный разгром я дополнил бы организационным. Но в рамках приличия – без плахи и гильотины. Я бы просто выставил их! Сначала – перед народом в образе негодяев, мешающих мне осчастливливать этот самый народ. Затем – коленом под зад!

Но, увы: история не знает сослагательного наклонения. А под глагол наклонения повелительного Москаленко приказал мне (приказал мне!!!) поднять руки, а Жуков опустился до личного обыска. Как будто я – абверовский террорист, решивший по дороге на обед заглянуть в Кремль с бомбой подмышкой! Эх, Жуков, Жуков! Сколько раз я поддерживал тебя перед Хозяином, смягчая твои хамские выходки и сглаживая промашки! Не будь меня, не было бы и тебя! И вот как ты отплатил мне! Ну, правильно: на то оно и доброе дело, чтобы не остаться безнаказанным!

Пока мне учиняли «шмон», Маленков объявил заседание Президиума закрытым. И то: чего тянуть, когда дело сделано! Я взглянул на часы: тринадцать ноль пять. Когда меня выводили в коридор, я заметил у входа ещё группу военных, человек пять, а среди них – Брежнева, Шатилова и Гетмана. Какая честь для меня: целая дюжина генералов собралась меня громить физически после того, как полдюжины политиканов разгромит идейно! К сожалению, правительственная охрана – мои люди – не видела момента вывода, потому что заговорщики окружили меня, и совсем не заботой! Так я «остался без связи».

Во внутреннем дворе меня посадили в ЗИС-110. Рядом сели четверо, из которых я прежде знал только генерал-майора Батицкого, который был начальником штаба Московского округа ПВО. В другой ЗИС – машина сопровождения – сели человек шесть во главе с Жуковым. Я не знал, куда меня везут. Увидел уже на месте: гауптвахта Московского округа ПВО. Ну, правильно: Лефортово моя гвардия взяла бы приступом.

В одиночной камере я просидел несколько часов. Ну, это лишь так говорится: «просидел». На самом деле я «промаршировал» все эти часы по камере. Мысли о случившемся не давали мне успокоиться. Но я уже думал не столько о том, как это могло случиться, сколько о том, что можно сделать в такой ситуации. Что нужно сделать, я знал. Мне нужно было всего лишь дать о себе весточку – и мои люди выручили бы меня. А потом… Потом было бы видно. Я не собирался устраивать публичных «выяснений отношений». Всё было бы тихо, по-домашнему – и даже по-семейному. Ещё тише, чем в Ленинграде в сорок девятом: никакого шума, никакой рекламы, никакой публичности. Просто на очередной праздничной демонстрации исчезли бы портреты некоторых руководящих товарищей. Вместе с руководящими товарищами, естественно.

Итак, я знал, что нужно, но не знал, как можно. Изолировали меня вначале надёжно, а потом ещё надёжней. Через несколько часов мне в камеру принесли солдатское х/б, заставили переодеться и опять загрузили в машину. На этот раз меня «передислоцировали» в штаб МВО, что на улице Осипенко, где и определили в комнату размерам три на четыре. Комната находилась в бункере, на «нулевом этаже». Хотя, почему «находилась»? Там она и находится до сих пор – так же, как и я в ней. Отсюда меня выводят на допросы – в комнату по соседству, сюда же и возвращают. Хорошо ещё, что не допрашивают «по месту жительства», а то со скуки умереть можно было бы!!

Допрашивали – и допрашивают – меня Генеральный прокурор Руденко, реплики с места подаёт генерал-полковник Москаленко, а протокол оформляет некто Цареградский, которого «мне представили» как Государственного советника юстиции 3-его класса. Генерал-майор – в переводе «на наши деньги». Впервые у меня в камере они появились двадцать девятого июня. С порога мне объявили о том, что сегодня вышло постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». Когда Руденко назвал себя Генеральным прокурором, я не мог не усмехнуться.

– Понятно… Значит, Бочкова – по боку?

На момент моего пленения Бочков был Прокурором СССР. Когда-то он работал в моей конторе, был на хорошем счету, и этого оказалось достаточно для того, чтобы тут же заменить его «честным коммунистом» – читай: хрущёвским ставленником – Руденко. «Для того чтобы обеспечить беспристрастность и объективность расследования». Как будто Руденко – не из того же «лукошка», что и Хрущёв! В своё время оба не раз приложили руку к арестным спискам – теперь же они «блюстители законности», а заодно «рыцари без страха и упрёка», которые мужественно разоблачают «внезапно оказавшегося негодяем» Берию!

А как героически всё начиналось!..

Глава вторая

Да, как героически всё начиналось! В марте семнадцатого я «подался» к большевикам. «Вовремя!» – скажут некоторые, тут же сопоставив две цифры: март семнадцатого – октябрь семнадцатого. Только зря стараются: никакой угадайки и никакого корыстного расчёта в моём поступке не было! Во-первых, в марте семнадцатого большевистской революцией и не пахло. Только что, в феврале, состоялась буржуазно-демократическая революция, и на подъёме находились совсем другие партии, в диапазоне от «центра» до «правого края». Например, у нас в Азербайджане в большом авторитете была партия «Мусават». Сильные позиции имели и меньшевики с эсерами. Если бы я выгадывал, то на худой конец, можно было вступить в «Гуммет» или местный филиал кадетской партии.

А, вот, большевики особой популярностью в массах не пользовались. И перспективы их – как минимум, у нас в Баку – выглядели очень сомнительными. И, тем не менее, я выбрал этот путь: стал большевиком. Так что, если судить с позиции обывателя, я поступил вопреки логике и здравому смыслу. Какой же тут расчёт? Для реалий марта семнадцатого это, скорее, просчёт. В таком случае, почему же я так поступил? Если не от большого ума, то от глупости, что ли? Нет. Можете мне не верить, но я «поступил» в партию оттого, что… не мог поступить иначе! Пусть этот ответ покажется кому-то высокопарным, но другого у меня нет. Потому что это – правда. Так, что поступок мой не только не корыстный, но «где-то даже» отважный. В духе горьковского «безумству храбрых поём мы славу!». Значит, не критиковать меня надо, а приятно изумляться, поспешая ко мне не с шишками, а с пышками.

Но мастера «первыми бросать камни» не поспешают. Те, кто были убеждены в обратном, потому что очень хотели этого, не отказались от своих намерений «разоблачить» меня во что бы то ни стало. Поскольку других объяснений этого «престранного совпадения» у них не нашлось, «всё равно злодея Берию» решено было разоблачить «с другого конца». Ещё тогда, в двадцатые – уже после того, как Советская власть победила в Закавказье – меня обвинили в приписках, но не по линии плановых заданий, а по линии партийного стажа. Ну, будто бы я приписал себе партийный стаж. И не для солидности, а для того, чтоб коварно затесаться в ряды дореволюционных подпольщиков. С какой целью? Ясное дело: для того, чтобы «на законных основаниях» вредить старым большевикам, попутно извлекая из дореволюционного стажа материальную выгоду. Ведь я «сделал» это якобы уже после того, как увидел, что большевики могут победить. Каков довод, а: «могут победить!». На другую вероятность – что могут не победить – задним числом уже не обращали внимания: победили ведь!

Мои нынешние «разоблачители» в лице Руденко, Москаленко и других «поборников исторической справедливости» из числа «заказчиков наверху» не оригинальны в своих попытках. Они всего лишь «обратились к опыту» предшественников. Тех самых «разоблачителей коварных намерений Берии, коварно же прокравшегося в наши чистые и незапятнанные ряды». Меня – а больше себя – они вновь пытаются убедить в том, что нет доказательств наличия у Берии члена… виноват: стажа члена с семнадцатого года. (Насчёт «члена Берии» у них сомнений нет, но об этом позже).

Я даже не собираюсь опровергать их тем, что такие доказательства есть. Надо только не лениться и заглянуть в архивы, кстати, открытые даже для историков, не то, что для следствия. И даже не столько не лениться, сколько поиметь немножко совести, чтобы превозмочь себя и постараться увидеть то, чего так сильно не хочется видеть. Вместо этого я «обращусь к опыту» критиков. Нет доказательств членства с семнадцатого года? А разве есть доказательства обратного? Ну, доказательств того, что «негодяй Берия» не является членом партии с семнадцатого года? Разве не закономерен такой вопрос, не говоря уже о том, что нет

таких доказательств в природе, и никогда не было? Кажется, у Маркса сказано, что отсутствие доказательств отрицательного ответа не является доказательством ответа положительного.

Законный вопрос, не правда ли? Только он – для людей, которые слышат не только то, что хотят слушать. Мои следователи (прокурор Руденко и солдафон Москаленко) – не из их числа. Упёрлись: «Есть ссылка на характеристику Вирапа, который подтвердил членство Берии в партии с декабря 1919 года». Тоже, мне, довод! «Эта Вирапа» подтвердил лишь то, что уже в декабре 1919 я – член партии. Он же не сказал, что я не был им до девятнадцатого года! А я в отношении «этой Вирапы» не могу сказать и того, потому что не помню я никакого Вирапа! И, вообще, если уж следователи задались целью изобличить меня, пусть изобличают документами. Пусть докажут мне «не на пальцах», что я «ошибся датой». Но у них нет таких документов. И хоть я не обязан доказывать то, что «я – не верблюд» (презумпция невиновности) – так и быть: снизойду к «товарищам».

Я утверждал и утверждаю, что являюсь членом партии с марта 1917 года. Именно тогда мы с моими друзьями Егоровым, Пуховичем и Аванесовым создали в Баку кружок РСДРП (б). Пусть мои «законники» найдут этих людей, только пусть не вынуждают сказать их, что они и рядом со мной не стояли! Пусть ищут наши протоколы и заявления! Меня сейчас пытаются убедить в том, что этот довод смешон. И смешон он якобы тем, что незачем было создавать кружок. «Товарищи» мыслят – если к ним вообще применим этот глагол – категориями пятьдесят третьего года, когда КПСС – единственная партия. Хорошо ещё, что они не сказали мне, что надо было обратиться с заявлением в обком или горком, но намёк понятен! Как и всё остальное с этими «товарищами».

Нет, «друзья-приятели»: как бы вы ни пытались испачкать мою совесть, а она чиста! Мне незачем было приписывать себе лишний стаж. Потому, что если «дореволюционное прошлое» и работало на тебя, то лишь на первых порах, да и то чисто символически. Ведь «надбавок за стаж», не говоря уже о бытовых льготах, героям подполья не полагалось. Никакого поощрения «сладкой конфеткой» и «поглаживания по головке». Напротив: «коммунисты – вперёд!» Вот и вся «привилегия»! А свою преданность делу партии надо было доказывать не справками и не записью в партбилете, а работой. Конкретной работой. Тут уже никакой стаж не шёл в зачёт.

Если этих доводов мало для того, чтобы пробудить в моих «судьях» хоть какую-то мысль – я уже не говорю о пробуждении совести – придётся открыться. Но не в том смысле, на который так надеется следствие. Как бы не хотелось моим визави слышать это, но есть документы, которыми подтверждается мой партийный стаж. Один из них, как сейчас помню, назывался «Анкетированная характеристика КПК на товарища Берию» (тогда меня ещё называли товарищем – не гражданином, как сейчас). Составлялась эта характеристика ещё при Ленине и Дзержинском, в 1923 году.

Сразу вынужден огорчить «блюстителей закона»: к её составлению «негодяй Берия» не имеет никакого отношения. Составили и подписали эту бумагу – на основании других бумаг из архивов – совсем даже не мои дружки Кваранцхелия, Мегрелишвили и Думбадзе. И там было прямо сказано, если я не ошибаюсь, в пункте 3, что у Лаврентия Берии стаж (проверенный) с1917 года, что перерывов в членстве не было, что в других партиях, кроме РСДРП (б), он – я, то есть – не состоял. Почему я так хорошо запомнил текст? Так, поневоле запомнишь, когда не дают забыть! А ведь мне не давали забыть ещё с двадцатых годов: тоже, знаете ли, стаж! –

Все последние месяцы из меня активно лепят и кроят. Пожалуй, даже «лепят» и «шьют». Именно так: в кавычках. А, если «лепят и кроят», то лишь в части образа мусаватистского шпика, коварно прокравшегося в ряды Коммунистической партии, чтобы вредить ей все последующие тридцать пять лет. Но так как образ мне навязывают исключительно в формате «лепить чернуху» и «шить дело», то правильнее будет сказать: не «из меня» лепят, а «мне».

«Грузят» меня основательно, по принципу: «Вали кулём – потом разберём!». Всё припомнили: и то, что было, и то, чего не было. Последнего не просто много: только оно и есть. Ребятам мало одного низложения. Даже заговора им не хватает. Так, уж, у нас заведено: если «нагружать» – так всеми грехами от сотворения мира.

Поэтому «товарищи» усердно работают над созданием образа Сатаны, с которым они – не только «не с одного двора», но даже «не с одной улицы»! С которым они на одном гектаре, пардон, рядом не присядут! С которым они и бражничали только затем, чтобы вывести его на чистую воду – посредством водки! С которым они тридцать пять лет соседствовали в партии лишь затем, чтобы глубже вскрыть его злодейское нутро!

С которым все эти тридцать пять лет они исподволь – незаметно не только для других, но и для себя! – боролись, так как все эти годы «от него не было никакой пользы, кроме вреда»! С которым они, разумеется – никаким боком, и о котором они, естественно – ни сном, ни духом! Которого, если и терпели они, то лишь в русле завета Господа Нашего, предлагавшего ещё немного потерпеть, «пока братья их, которые будут убиты, дополнят число»!

Чего только мне не «налепили»! Даже крохоборством меня пытаются выставить: якобы в сорок седьмом, во время денежной реформы, я заранее внёс в кассу сорок тысяч рублей, чтобы потом обменять их в соотношении один к одному. Так, словно я – мелкий жулик-завмаг, а не Берия! Но и этого моим разоблачителем показалось мало – и «при обыске у меня нашли» сто тысяч рублей, сорок стволов оружия, а ещё «целых» четыре автомашины! Нет бы, пораскинуть мозгами: на кой хрен Берии сорок «пушек»?! Ну, вот, на кой хрен?! Тем более, при такой охране?! Нет, признаюсь, как на духу: один ствол у меня был – именной, от соратников к 50-летию. Табличка с гравировкой на нём была – а вот патронов не было! И не потому, что я «заранее готовил себе алиби»: от греха подальше, а то под настроение всякое может случиться.

И насчёт автомобилей – тоже перебор. Зачем их «обнаруживать у меня», когда они и так закреплены за мной?! Правда, не четыре, а три: два «линкольна» и один «бьюик»?! И, уж, совсем «ни в какие ворота» «убойный довод» следствия о том, что из сейфа у моего сына Серго изъято якобы двести шестьдесят девять тысяч рублей, а также «много облигаций и драгоценностей»!

С деталями последней «туфты» меня не ознакомили, поэтому я и останавливаться на ней не буду. А, вот, насчёт «… тысяч рублей» поговорим! Да, у меня был приличный оклад по должности. С тридцать девятого, как нарком внутренних дел, я получал три тысячи пятьсот рублей в месяц плюс надбавка за выслугу в размере пятидесяти процентов оклада. Итого пять двести пятьдесят. По тем временам – вполне прилично. Немножко добавить – и можно было купить «М-1». Но это было аскетическое время, и мы «ничего такого» не покупали, даже подумать об этом не могли. И не потому, что Хозяин задавал тон, а мы вынуждены были соответствовать. Нет: было другое время, и люди были другие. И ценности у них были другие – не те, которые, не сомневаюсь, начнёт сейчас пропагандировать Хрущёв, обыватель от природы.

Поэтому какие-то суммы у меня накопиться могли. Но, разумеется, не такие. Потому что, как бы мы ни аскетничали, а что-то тратили. Значит, расход был. Взяток мы не брали, поэтому, откуда могли взяться почти двести семьдесят тысяч?! Ведь даже Сталинскую премию – а это большие деньги – я пожертвовал государству?! И от доплаты за ордена – по почину Власика – отказался! И не потому, что такой хороший: все были хороши! Все так поступали! И, потом, чего бы я хранил свои деньги в сейфе у сына?

У него – своя семья, своя жизнь, свои доходы и расходы. Как доктор наук и Главный конструктор, он сам хорошо получал. Так, что я имею законное право сказать гражданам следователям: «Извините ребята, но дебет с кредитом не сходится! Потому что даже „фуфло“ надо „толкать“ с умом!»

Но всё это были ещё цветочки – «ягодки» пошли дальше. Это я насчёт «агента мусаватистской охранки Берия»… Воистину: «дела давно минувших дней, преданья старины глу-

бокой»… А ведь, казалось, давно всё выяснили и прояснили. Мои недруги поднимали этот вопрос и в девятнадцатом, и в двадцать третьем, и в двадцать шестом, и в тридцать шестом. Я приводил доказательства, я приводил свидетелей, и им всегда верили. Разные люди верили. И мне верили: и через них, и самому мне, как Лаврентию Берии. Но теперешние мои недруги не хотят этому верить: поменялись ориентиры. Вот, если бы привёл других людей и другие доказательства, которые утверждали бы иное, вот тогда им охотно поверили бы! И мне – тоже. Сегодня поверили бы. И не посмотрели бы на то, что не поверили тогда! Тогда – это в тридцать седьмом, на Пленуме ЦК, когда неугомонный Каминский пустил эту давно амортизированную байку во всесоюзный оборот.

Ну, что ж: придётся ещё раз осветить тёмное, которое давно уже светлое. Да, я служил в разведке партии «Мусават». Членом партии я не был, но в разведке служил. Точнее, в контрразведке. Именно в контрразведке – не в охранке. И факт этот имел место в девятнадцатом-начале двадцатого года. Точнее – с осени девятнадцатого по март двадцатого.Но я не сам «записался в агенты»: товарищи «попросили». Так сказать, «охватили участием». Проще говоря, на службу в контрразведку я поступил по заданию партии «Гуммет».

Предвижу вопрос: почему не от большевиков, с какого тут бока этот «Гуммет», «что это такое, и с чем его едят»? Отвечаю: была такая социал-демократическая партия, которая работала по линии просвещения мусульман в духе социалистических идей. И в этой партии было два течения: большевистское и меньшевистское. Большевики-мусульмане активно сотрудничали с РСДРП (б) ещё с революции пятого года. И не просто сотрудничали: заслужили авторитет и уважение у большевиков-ленинцев. На Шестом съезде Коммунистической партии Азербайджана знаменитый бакинский комиссар Алёша Джапаридзе самолично воздавал им должное.

А в марте девятнадцатого на Бакинской партийной конференции другой известный большевик Ногин предложил оказать «Гуммету» всяческую помощь, и не только моральную. Вот, для оказания этой помощи меня и рекомендовали вождям большевистской фракции «Гуммета» Али Гейдару Караеву и Мирзе Давуду Гуссейнову. Так сказать, командировали «с передачей в аренду». Почему именно меня? Не могу сказать наверняка. Наверно, потому, что я им «показался». Ну, как тот Ваня Солнцев – разведчикам в повести Катаева «Сын полка». Ну, вот, приглянулась им моя кандидатура. А что: девятнадцать лет, с отличием окончил Сухумское реальное училище, затем – Бакинское механико-строительное техническое училище. Какой-никакой, а подпольщик с дореволюционным стажем. Тем более что у меня глаз – ватерпас, а это широко известный факт (в узких партийных кругах). Как ни крути, а для выполнения деликатной работы лучшей кандидатуры и не найти (это объективно – не сочтите за автодифрамб).

С учётом всех «входящих и исходящих» товарищи из «Гуммета» и распорядились мной по своему усмотрению: «трудоустроили» в контрразведку. Им до зарезу нужна была информация о замыслах англичан и меньшевистского правительства. Моим однопартийцам – не меньше.

С учётом наличия образования «и прочих внешних данных», начальство контрразведки «Мусават» определили меня не на наружное наблюдение, а, как сказали бы сейчас, в аналитический отдел «на паях» с секретно-оперативной частью.

Так, что по улице с высунутым языком я не бегал. И не надо меня задним числом превращать в незадачливого филёра Терентия Макаронова – персонажа рассказа Аверченко «Опора порядка». Ну, в того, который напрашивался в письмоводители, чтобы затем подсовывать своему хозяину компромат. Именно там, «сидя на документах», я мог оказать максимальную помощь и «Гуммету», и подпольщикам-большевикам. Ту, которую сами себе они оказать не могли – за отсутствием «внешних данных».

Так, что, с какого боку меня ни поворачивай, а я действительно выполнял задание партии большевиков – «транзитом через «Гуммет». И передавал я такую информацию, какая

из других источников моим работодателям и не «светила». В том числе, информацию о планах Англии и Турции относительно Азербайджана и Грузии. В этом контексте шла и реальная информация о внутриполитическом положении в республиках Закавказья, об их возможностях и планах руководства. Вначале «весь шлих» я сдавал Анастасу Микояну – для дальнейшей передачи по назначению. Затем, когда поздней осенью девятнадцатого года в Баку прибыл Борис Шеболдаев, бывший замнаркома Советского правительства по военно-морским делам, который возглавил большевистскую разведку, информация пошла через него.

Думаю, я не открою секрета, если скажу, что конечным получателем информации был Сергей Миронович Киров, член РВС Одиннадцатой армии. Скажу ещё кое-что – и без ложной скромности: эта информация немало помогла установлению Советской власти в Закавказье в кратчайшие сроки.Ведь именно я«донёс наверх» о том, чтомусаватисты имели тридцать тысяч войска: двадцать тысяч – у границ Армении, десять тысяч – по гарнизонам, а в Баку – всего две тысячи, юнкерское училище и артиллерию. То есть, против 11-ой армии стояло всего три тысячи человек. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, получив требование о передаче власти, в ночь на двадцать восьмое апреля двадцатого года меньшевистское правительство Азербайджана разбежалось. Моя «служба врагу» закончилась.

Как ни огорчительно слышать это моим следователям, другого они от меня не услышат. И не по причине моего «героического молодогвардейского» молчания: не было другого. А, значит, нечего больше ни говорить, ни слышать. За исключением, разве что, того факта, что командарм-11 Левандовский благодарил меня за службу лично.

К слову – насчёт службы. Она не только не закончилась, но, по сути, только начиналась. Когда, с учётом моей успешной деятельности в тылу врага – можно и без кавычек, и не хихикать при этом – Киров предложил меня на должность уполномоченного регистрода Одиннадцатой армии, я и не предполагал, что это – начало долгой работы в органах. Ведь регистрод – это не канцелярия и не бухгалтерия: это – разведотдел, армейская разведка.

Именно в таком качестве Сергей Миронович и командировал меня в Тифлис, где у власти находилось меньшевистское правительство Ноя Жордании. Правда, развернуться там, в том числе, и по линии агентуры, мне не удалось: грузинская контрразведка своё дело знала. К сожалению, и моё тоже. И, если бы не вмешательство Кирова, авторитетного человека для Жордании, пришлось бы мне исполнять песенку «сижу за решёткой в темнице сырой» несколько дольше, чем… пришлось исполнять.

Не погрешу против истины, если скажу, что к моему освобождению приложили руку и Стуруа с Церетели. В итоге меня освободили с предписанием в трёхдневный срок покинуть территорию Грузии. Только не надо сразу же тыкать в меня пальцем и кричать: «Ага, попался!». Ничего удивительного в моём освобождении нет: такие были тогда времена. Да и позицию Кирова, бывшего тогда представителем РСФСР в Закавказье, тамошние меньшевики тоже обязаны были учитывать.

Что же до разговоров о моём родстве с Жорданией, как о решающем факторе освобождения… Напрасно меня пытаются изобличить в нём – за неимением других «изобличающих» фактов. Скажу откровенно: я бы и не стеснялся этого родства… если бы оно было. Ной Жордания – личность: дурака главой правительства независимой Грузии не поставили бы. Но, если даже мы с ним и «седьмая вода на киселе», то не по моей линии, а по линии моей жены Нино, которая по бабушке – княжна Чиковани. Вот, там ещё можно попробовать докопаться до этой «седьмой воды»… если совсем уже полная безнадёга с моим разоблачением как меньшевистского агента.

Глава третья

Итак, меня отпустили. Но я не воспользовался этими тремя днями, хотя для того чтобы удрать, хватило бы и одного: ноги – молодые, да и Грузия – не Сибирь. Вместо этого я обратился в постпредство РСФСР, к Кирову – и меня не только «поставили на довольствие», но и «трудоустроили по специальности». Я, разумеется, не имею в виду специальность механика-строителя. Именно благодаря «работе по специальности» через месяц, точнее, в мае двадцатого, меня вновь арестовали – и «как дипломата» выдворили из страны. Помню, у азербайджанской стороны даже запрашивали «агреман» на моё принятие. Шучу, конечно: всего лишь визу. Так, в июле я вновь оказался в Баку.

По поводу того, что делать дальше, у меня не было раздумий формата тех, которыми маялся герой стихотворения Маяковского. Ну, тот самый, который сначала заявляет о том, что «у него идут года», а потом задаётся вопросом «чем мне заниматься?». Я подобным вопросом не задавался. Для меня он был решён: учиться. И я даже знал, где: в Бакинском политехническом институте. Образование в объёме сегодняшних техникумов у меня было, поэтому мне не требовалось предъявлять справку том, что я уже научился читать-писать и даже окончил рабфак. Знакомства для поступления в вуз тогда не требовалось: наличность заменяли… наличные знания. Поэтому у меня были все основания рассчитывать на благоприятный исход экзаменов.

Но, как известно, человек предполагает, а Бог располагает. С учётом материалистических воззрений делаю поправку на судьбу. Как бы там ни было, а меня попросили немножко обождать с «путешествием в страну знаний». Вместо этого мне предложили некоторое время поработать в ЦК Компартии Азербайджана управляющим делами. Прошу заметить: я не напрашивался – мне предложили. А то ещё могут подумать, что я «зарабатывал стаж для поступления» на этой синекуре!

Честно говоря, душа у меня не лежала к этой работе. Не люблю я копаться в бумажках: не в моём это характере. И я так прямо и заявил об этом товарищам. В ответ мне напомнили о партийной дисциплине, сказали: «Надо!» и попросили характер попридержать. Что, скрипнув зубами, я и сделал.

Работа оказалась, хоть и непыльная, но очень пыльная. Не скажу, что я подорвал на ней здоровье, но и дополнительному оздоровлению она тоже не способствовала. А всё потому, что я не филонил, так как привык относиться к поручениям ответственно и честно. Именно благодаря этому, но в ещё больше степени тому, что обострилась ситуация в Закавказье, мне, наконец, и предложили… нет, не продолжение учёбы (мне, всё-таки, удалось совместить одно с другим), а живую работу. «Живой» оказалась работа в ЧК. Так что со своими двумя курсами Политехнического института я не дотянул и до неполного высшего образования. Утешает лишь одно: не по причине академической неуспеваемости, и не из-за прогулов.

Итак, в октябре двадцатого я стал ответсекретарём Азербайджанской ЧК. Пост, вроде бы, и большой: какой-никакой, а начальник! – но опять же канцелярский. Начальник оказался столоначальником. Вот, тебе, и «живая работа»! Хотя совсем, уж, грешить на портфель и кресло не стоит. За то время, что я «столоначальничал», я успел не только войти в курс дела, не только постичь азы, но и основательно разобраться в вопросе.

В хитросплетениях чекистской жизни я был уже, как рыба в воде. Поэтому, когда в апреле мне предложили перейти на оперативную работу, я не только не испугался ответственности, но и воспринял это как должное.

За февраль-апрель я «добил» экзамены и зачёты за второй курс и приступил к исполнению обязанностей заместителя начальника следственно-оперативного отдела АзЧК. В то время

не только заместители, но и начальники работали «операми» наравне со своими подчинёнными.

А начальственные обязанности шли сверх того. Ну, как сверхурочная работа. Поэтому мне «посчастливилось» неоднократно участвовать в засадах, перестрелках, погонях, то есть, во всём, что составляет стандартный набор шпионского боевика. А потом нужно было допрашивать, изобличать, «выводить на чистую воду». Разумеется, от начальственных отчётов меня никто не освобождал.

Видимо, работал я неплохо, и в очередной раз «показался» начальству, если через несколько месяцев в том же двадцать первом году меня выдвинули в начальники Следственно-оперативной части, а вскоре продвинули ещё дальше: в заместители Председателя АзЧК. Тогда же… ну, чуть позже, уже в двадцать втором, состоялась одна из самых значительных встреч в моей жизни: с Лениным.

За свои пятьдесят четыре я встретил великое множество «сильных мира сего», но ту встречу не забуду никогда. И не только потому, что это был Ленин. И не только потому, что мало кто из ныне живущих может похвастаться личной встречей с Лениным. Дело в том, что сам факт этой встречи не только укрепил мои позиции перед лицом многочисленных – куда от них денешься?! – недоброжелателей, но и обеспечил мне дальнейший служебный рост. Конечно, не один обеспечил, а в совокупности с личными достоинствами. Ленин никого не спонсировал «за красивые глазки». Этот человек продвигал только людей дела, и лишь тех из них, кому он мог полностью доверять. Хотелось бы верить в том, что я входил в это число. Или хотя бы вошёл на время той встречи.

Как я уже сказал, на тот момент я занимал должность заместителя Председателя АзЧК Багирова. С Мир Джафаром нас связывала не только работа, но и личная дружба. Этот человек умел и работать, и дружить. Уметь дружить – великий дар, и не каждому он даётся. Ещё неизвестно, какой из них больше: уметь работать – или уметь дружить? Разумеется, наша дружба ни в малейшей степени не мешала работе: мы оба – люди слишком принципиальные для того, чтобы мешать службу и дружбу. Так, что – никакого панибратства, и никакого кумовства.

Но, если надо помочь, тут уже один горой за другого. Это я к тому, что в Москве я оказался, в том числе, и благодаря Мир Джафару. Ситуация в Закавказье была чрезвычайно сложной, и Ленин нуждался в объективной информации. Насколько я знаю, в качестве источника такой информации меня ему и рекомендовали. Рекомендация исходила как от моих старых знакомых Кирова, Орджоникидзе и Микояна, так и от моего теперешнего сослуживца Багирова. Думаю, что руку к этому – вместе с языком – приложил и Дзержинский. К тому времени мне приходилось докладывать ему не только письменно, но и устно.

Мнение одного человека – всего лишь мнение. Мнение нескольких – уже довод. Ленин никогда слепо не полагался на мнение одного человека: это был политик из политиков – во всех смыслах. Вот, почему я оказался в Кремле, в кабинете Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР.

Ленин живо интересовался ситуацией в Закавказье, и как мне показалось, я удовлетворил этот интерес. Я ничего не приукрашивал, ничего не смягчал, давал только объективные факты и цифры, и, кажется, именно это Ленину и понравилось. Во всяком случае, когда мы с ним прощались, он протянул мне руку со словами:

– Спасибо, товарищ Берия. Теперь я знаю, к кому мне, в случае необходимости, обращаться за правдой.

Владимир Ильич, разумеется, имел в виду только правду о положении дел в Закавказье, но, всё равно, было приятно. Да, что я говорю: «приятно»?! Не «приятно», а я буквально выпорхнул из кабинета: доверие вождя окрыляло. Таким окрылённым я пропорхнул мимо Горбунова, управделами СНК, который дожидался своей очереди в приёмной.

Предвижу не только кривые ухмылки, но и возмущённые крики: «Не могло этого быть! Даже, если Берия и был в то время в Москве, Владимир Ильич, этот святой человек, не мог позволить себе опуститься до встречи с Берией, «разоблачённым впоследствии как враг народа»! И неважно, что это «впоследствии» – спустя тридцать лет! Да и то – разоблачённым ли?!

Спешу огорчить этих незваных «хранителей чистоты памяти Владимира Ильича»: я побывал у Ленина не инкогнито. Во-первых, есть соответствующая запись в журнале регистрации посетителей. Во-вторых, меня видел Горбунов. Хотя, ладно: Горбунова давно нет в живых, и я не буду ссылаться на него. Сошлюсь на того, кто ещё жив: на Молотова, Вячеслава Михайловича. Молотов был в то время секретарём ЦК, и в тот день я дважды столкнулся с ним в приёмной: когда заходил к Ленину, и когда выходил от него. А когда я находился в кабинете, Молотов сам заходил туда с какой-то бумагой. Я не был ещё лично знаком с Молотовым, но думаю, что его уже просветили о том, кто у Ленина. Во всяком случае, его изучающий взгляд на себе я, безусловно, ощутил. Думаю, что «Вече» не откажется подтвердить этот факт. Хотя бы потому, что ничего «компрометирующего» Ильича в нём нет.

Кстати, в тот день я ещё побывал на докладе у Дзержинского. Феликс Эдмундович ценил объективную информацию не меньше Владимира Ильича. А я шёл к нему не только с информацией о положении дел, но и с отчётом о них. Дзержинский был человеком требовательным, и не терпел верхоглядства. Но, поскольку меня не вынесли из его кабинета с сердечным приступом или в полуобморочном состоянии, а я ушёл своими ногами, которыми именно ушёл, а не унёс их, думаю, что докладом он остался доволен. Я, конечно, не ссылаюсь на него, как на свидетеля моей встречи с Лениным, но сам факт показателен: тот же день.

Раз, уж, я заговорил о Дзержинском, то не могу обойти вниманием и такую байку о себе. «Старый мужественный чекист Кедров», узнав о «злодеяниях Берии в ЧК» (это – в двадцать первом-то году?!), подготовил «ордер на арест» «негодяя», и даже завизировал его у Дзержинского. Но потом Феликс Эдмундович уступил домогательствам Кирова и «порвал ордер». Ну, а Киров, разумеется, уступил «домогательствам Берии», который «злоупотребил старым знакомством и добрым отношением к нему Сергея Мироновича».

Есть и второй вариант этой байки. «Ордер» был «выдан» не за «злодеяния» Берии, которые тот ещё не успел совершить по причине малого стажа, а потому, что Кедров постфактум разоблачил его как мусаватистского провокатора – и даже агента.

Ну, что тут можно сказать? Прямо – как у Лопе де Вега: «приукрашая сотней врак одну сомнительную правду». Кое-что в этой байке – правда. И это «кое-что» – действительная попытка «наезда» Кедрова на меня. И «доводы» он выдвигал те самые, что я перечислил выше. Ну, что касается «провокатора – и даже агента», то я уже всё объяснил. Насчёт «злодеяний» всё объяснил второй вариант, которого не было бы, если бы были «злодеяния». Кое-что дополнительно объясняет и тот факт, что, несмотря на все эти «разоблачения», «провокатор и негодяй Берия» уже в двадцать втором году – том самом! – получил боевой орден Красного Знамени.

И получил он – я – его не по записке местного начальства, не «по знакомству», а Указом ВЦИК! Ну, вот такая процедура была установлена для его получения. Нужно было составить представление по всей форме и обязательно на основании… оснований. И «под орден» меня аттестовали не только Багиров, Киров и Орджоникидзе – «дружки-приятели» в редакции Кедрова – но и такие авторитетные для Москвы люди, как Мясников, человек исключительно принципиальный, к которому «за характеристикой не подъедешь»! А в Москве это представление поддержало всё руководство ГПУ: и Дзержинский, и Менжинский, и Уншлихт, и Артузов. Если бы в отношении моей кандидатуры появились хоть малейшие сомнения – видал бы я тот орден!

Что же до Кедрова… Ну, тут просто тяжёлый случай. Товарищ страдал тяжёлой и неизлечимой формой патологической бдительности. Немного осталось в нашей «конторе» тех, кого бы он не «разоблачил». Удивляюсь, как он сам себя ещё не «разоблачил». Скорее всего,

лишь по той причине, что не дошла очередь: не всех ещё «охватил работой». Что говорить обо мне, рядовом сотруднике провинциальной ЧК, если от него доставалось членам Коллегии ВЧК в Москве! Сам Феликс Эдмундович побывал объектом критики этого «сверхпринципиального» человека! Казалось, товарищ изнывал не только от избытка принципиальности, сколько от груза воспоминаний о своём начальстве в Особом отделе ВЧК. Специфическая, такая, «принципиальность»: вплоть до высшей меры социальной защиты.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что очень скоро этот «ревнитель чистоты и поборник справедливости» вышел с доносом на меня. Конечно же, по молодости лет и за отсутствием оснований для такой критики, я сильно переживал. Да и то: в те времена могли «закритиковать» до смерти, и совсем даже не иносказательно. Хорошо ещё, что народ у нас с пониманием относился к происка «старого большевика»: воспринимал это как неизбежное зло. Поэтому, когда донос поступил «наверх», меня вызвал к себе Сергей Миронович Киров. Он тогда работал секретарём ЦК Компартии Азербайджана.

– Лаврентий, поздравляю тебя.

Он улыбается – а я таращусь на него, ничего не понимая.

– На тебя поступил донос «от самих товарища» Кедрова. Значит, теперь ты стал настоящим чекистом. А то я уже начал беспокоиться: с чего бы это Кедров обходит тебя вниманием? Не считает за чекиста, что ли? А товарищ всего лишь собирал материал.

Честно говоря, в отличие от Кирова, мне как-то сразу же стало не до смеха.

– И что мне теперь делать? – честно дрогнул я голосом.

– Тебе – ничего, – смеётся Киров. – Делать будем мы с Микояном.

Тут я слегка удивился: с какой это стати Анастас заступается за меня? Уж, с ним-то мы точно не были дружками-приятелями, и совсем не потому, что грузин армянину – как тот гусь свинье.

– Ну, Анастас – тоже потерпевшая сторона, – сразу же догадался Киров. – Наш «старый большевик» разрабатывает и его, и очень активно. Товарищ усердно высеивает зёрна сомнений том, что в восемнадцатом Микоян избежал участи двадцати шести бакинских комиссаров не по воле случая, а благодаря участию палача Фунтикова. А тот якобы альтруистом никогда не был. Как следствие этих совсем не научных изысканий, на зуб Кедрова у Анастаса вырос ещё больший зуб. А поскольку наш принципиальный товарищ не желает угомониться, сейчас этот зуб находится в стадии заточки.

– Понял, – частично соответствовал я своему заявлению. Потому что вопрос «что делать» – не достояние одних лишь русских писателей. – Но, всё-таки, что мне делать? Не могу же я сидеть, сложа руки?

– А мы тебе и не позволим этого делать… в смысле, ничего не делать! – уже перестал улыбаться Киров. – Продолжай работать, а я выезжаю в Москву. Сегодня по прямому проводу я разговаривал с Дзержинским. Наш «правдоискатель» всё допытывается у него, какие меры приняты по его заявлению. Этот «святой человек» жаждет крови. Поэтому я и еду в Москву. А ты не дрейфь: работай, как ни в чём не бывало.

Легко сказать: «работай, как ни в чём не бывало», когда у меня всё из рук валится! Я уже знал, на какие «меры» намекал Кедров. Этому «гуманисту» мало было одного лишь «увольнения от занимаемой должности». Поэтому слова Кирова о жажде крови следовало воспринимать буквально, не заключая их в кавычки. До сего времени «клиенты» «старого большевика» – все без исключения – подвергались аресту и преданию суду военного трибунала. А там приговоры штамповали под копирку, не мучаясь вопросами разнообразия.

Несколько дней я просидел, как на иголках. «Просидел» – это я образно, потому что на нашей работе не засидишься. Только и стоя, и на ходу я чувствовал эти «иголки». Хорошо ещё, что Киров не задержался в Москве, и сразу же по прибытию вызвал меня к себе. И, вот:

я ещё появляюсь в дверях – а он уже идёт мне навстречу. Как всегда, широченная улыбка опережает его протянутую руку.

– Будем жить, Лаврентий!

– ??? – не мог я отреагировать иначе.

– Пришлось нам на пару с Феликсом Эдмундовичем устроить представление для товарища Кедрова.

– ??? – в очередной раз не стал я оригинальничать. А, может, не смог.

Киров немедленно предварил ответ смехом.

– Представляешь: Дзержинский вызывает Кедрова, санкционирует при нём постановление на твой арест – и в этот момент захожу я, и не один захожу, а с текстом и ручательством за тебя нескольких товарищей! Среди них: Мясников, Багиров, Ахундов, Орджоникидзе, ну, и мы с Микояном.

– Как же так, – говорю, – товарищ Дзержинский?! Только что – цитирую «за энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации партии социалистов-революционеров начальник Следственно-оперативной части Бакинского губотдела товарищ Берия награждается оружием – револьвером системы „Браунинг“ с надписью»! Подписано: Зампред ГПУ Уншлихт. Ваш заместитель, Феликс Эдмундович! А Азербайджанский Совнарком, уже со своей стороны, наградил Берию золотыми часами с монограммой! И почти тут же после всех этих наград Вы хотите арестовать Берию? Берия – хороший и энергичный чекист. А Мясников, вон, говорит, что Лаврентий – не только способный чекист, но и интеллигент! Как же после всего этого Вы сможете его арестовать?!

Киров хитро прищуривается.

– И всё это я выговариваю будто бы Дзержинскому, а сам всё время смотрю на Кедрова. Вижу: товарищ растерялся, потому что никак не ожидал такого поворота. Быстро передаю бумагу Дзержинскому. Он её «внимательно читает», передаёт Кедрову, а потом «бросает на меня гневный взгляд» – и рвёт на части постановление об аресте. То есть, показывает Кедрову то, как сильно ему не хочется уступать давлению товарищей, но и не уступить он не может. Потому что это, всё-таки – коллектив и коллективное мнение!

– А что Кедров? – оживаю я.

Киров смеётся.

– А что Кедров? Покраснел, побледнел – и к Дзержинскому: «Ну, мы же не можем оставить это без последствий?!». Дзержинский тут же кивает головой: «Успокойтесь, товарищ Кедров: не можем и не оставим! Мы уберём этого Берию из АзЧК… и переведём его в Грузию. Там он у нас не забалует!». На этот раз Кедров остался без реплики: челюсть отвисла.

– Значит – Грузия? – всё же расстраиваюсь я. Да и то: привык уже к Баку, к Азербайджану, к местным товарищам.

– Да, готовься сдавать дела. И не только для того, чтобы успокоить Кедрова. В Грузии – очень сложная обстановка. В любой момент там может возникнуть «революционная ситуация». Твой старый знакомый никак не угомонится.

– Жордания?

– Он. Так, что в Москве принято решение назначить тебя начальником Следственно-оперативной части и Зампредом ЧК Грузии. Такое, значит, «наказание» – через повышение. Ну, как минимум, через параллель.

Поняв, что «приговор окончательный и обжалованию не подлежит», я не стал кочевряжиться, сдал дела, съехал с квартиры – и отправился в Тифлис.

Глава четвёртая

В Тифлисе меня встретили вполне доброжелательно, хотя и были уже в курсе «наезда» Кедрова: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Епифан Кванталиани, председатель Грузинской ЧК и теперь мой непосредственный шеф, только посмеялся над этой историей. Ну, ему, конечно, что: не на него же «капали»! Но надо отдать ему справедливое: больше этой истории он не поминал. Да и некогда было: Киров не преувеличивал серьёзности положения. Больше того, оно оказалось ещё серьёзней. Жордания не оставил надежд вернуться в Грузию «на белом коне», и поэтому развернул за границей кипучую деятельность, и не только пропагандистского характера. В Грузию пошли «засланцы из-за кордона», и не с прокламациями, а с оружием. Опора на местах, как говорят бюрократы, была у него серьёзная.

И это не по причине недоработки местных товарищей. Уж, очень сильны были в Грузии сепаратистские и националистические тенденции (в редакции Жордании: «стремление к национальному освобождению»). Даже простые крестьяне – и те сочувствовали меньшевикам. Поэтому, сами понимаете, условия работы местной ЧК были не самыми благоприятными – за минимумом симпатий и к ней и прочим институтам большевистской власти. Всё это – в отличие от объёма работ: на отсутствие последнего грех было жаловаться.

Раскачиваться было некогда, и я «засучил рукава». Хотя, если бы я и затянул с этим мероприятием, обстановка сама «засучила» бы мне их. С Епифаном у нас сразу же установились хорошие рабочие отношения. Он не мог не заметить, что я прибыл сюда не с лопатой для того, чтобы подкопать кресло под ним. А так как профессиональный уровень большинства местных товарищей был не выше пола, то Кванталиани не составило труда заметить служебные достоинства новичка. Прошу только не считать это за похвальбу: таковы факты. И Епифан не мог не заметить их, даже если бы закрыл глаза. Никуда от этого не делись – потому что тоже не смогли, как ни пытались – и остальные мои коллеги.

И то: одно дело – характеристика, и совсем другое – проверка этого дела… в деле. К чему это я? Да, всё к тому же. К характеристике на Берию, которую мне выдал на дорожку Рухулла Ахундов, завотделом ЦК и секретарь Бакинского горкома. Там были такие слова – цитирую по памяти: «Товарищ Берия обладает выдающимися способностями. Лучший, ценный, неутомимый работник, столь необходимый в советском строительстве».

Не характеристика, а панегирик. Но со стороны, как говорится, видней. Конечно, если бы меня попросили отредактировать текст, я бы умерил дифирамбы. И не от природной скромности: завышенные оценки влекут за собой завышенные ожидания. А, как говорил один товарищ:

«Я не волшебник – я только учусь».

Но, как бы там ни было, а мы с грузинскими товарищами сработались быстро. Спасибо Ною Жордании: помог сократить адаптационный период. Народ «оттуда» повалил в таком количестве, что постоянный контакт не только с ним, но и с коллегами мне был обеспечен. Отсюда ежедневные и гарантированные возможности сработаться.

Дело явно катилось к восстанию. Я понимал нетерпение Жордании, но, в отличие от него, понимал и ещё кое-что: «надежды юношу питали». А, вот, меня питали не надежды, а точная оперативная информация от нашей агентуры и здесь, и «там». И из анализа этой информации нам с Епифаном нетрудно было прийти «к общему знаменателю»: «дохлый номер», но крови будет много.

Именно по этой причине мы с Председателем и решили воспользоваться моими прежними связями, которые я наработал ещё в бытность «княжичем» и «меньшевистским агентом». Через наших людей мы быстро и аккуратно вышли на след «засланца» Жордании по фамилии Джугели. Экс-председатель меньшевистского правительства отправил его в Грузию для отработки деталей на месте. Джугели мы взяли тихо, «без шума и пыли», и оперативно ввели

его в курс дела. Ну, просветили насчёт перспектив – отсутствующих. С тем, чтобы он, в свою очередь, просветил насчёт них своего хозяина. Для пользы дела мы даже готовы были «дать вольную» Джугели.

Дополнительно я подстраховался и другими информаторами. Но, увы: Джугели не поверил нам здесь, а Жордания не поверил нам там. Напротив, наше желание предотвратить бойню – и, прежде всего, их же «заграничных освободителей» – и Джугели, и Жордания расценили, как… признание нами своей слабости и почти гарантированный успех вторжения!

Ну, что тут сделаешь? Как говорится, была бы честь предложена. «Освободителям Грузии от большевистского ига» Красная Армия – при деятельном участии нашего ГПУ – так намяла бока, что Жордания как-то разом поумнел. Нет, он не перестал воевать пером и матюгальником, но желающих познакомиться с красноармейской пулей, саблей или штыком больше в Грузии не объявлялось.

Ещё задолго до этих событий меня представили и «утвердили в должности» орденоносца: я «заработал» орден Красного Знамени. е хвалюсь, но для чекистов Закавказья – редкая награда. Правда, к моему назначению на должность начальника секретно-политического отдела полномочного представительства ОГПУ РСФСР в ЗСФСР это обстоятельство прямого отношения не имело, хотя наверняка учитывалось. Главную роль, конечно же, сыграло подавление августовского мятежа Жордании. Такое назначение говорило о многом. И, прежде всего, о том, что меня «окончательно заметили» в Москве. А уже это, в свою очередь, говорило том, что в заместителях я не засижусь.

И я не ошибся в намерениях «товарищей из центра». Я ещё представлял Москву (до двадцать седьмого года), а уже в двадцать шестом стал начальником ГПУ Грузии и заместителем Председателя ГПУ Закавказской Советской Федеративной Республики (было такое объединение всех трёх республик Закавказья). Я не могу сказать о своём назначении, что «это случилось». Не могу, потому что «случалось это» целых четыре года. Четыре года я был замом у Кванталиани, и вряд ли у него имелись основания упрекнуть меня в том, что я его подсидел. Четыре года я тащил на себе этот воз: сначала – вместе с Епифаном, а потом – вместо Епифана. Какое, уж, тут, «подсидел»? Естественная ротация кадров – вот, что это такое. Нормальное продвижение по службе перспективного работника. (Это я – о себе, но, заметьте, как скромно! Другие характеризовали меня, куда возвышеннее!).

Итак, в декабре двадцать шестого я возглавил Грузинское ГПУ. Было мне об ту пору, как не трудно посчитать, двадцать семь лет. Ничего удивительного: революция – дело молодых, потому что требует много сил. Наше время смело выдвигало молодёжь на самые ответственные посты. Я не беру гражданскую – это другой разговор – когда один в шестнадцать командовал полком (Гайдар), а другой в двадцать три – армией (Уборевич).

То есть, и у нас были свои наполеоны. Но и мирной порой – относительно таковой, конечно – время смело выдвигало молодёжь… Ну, хорошо: не время – партия. А то мне и так уже вовсю «шьют» покушения на святая святых: «руководящую и направляющую».

Примеры? Сколько угодно! Микояну и Андрееву в двадцать шестом был тридцать один, Кагановичу – тридцать три, но они уже входили в состав Политбюро. Да и «старикам» вроде Кирова, Молотова, Орджоникидзе или Бухарина было ещё далеко до сорока! А «на подходе» уже была «молодёжная смена» в лице Хрущёва, Маленкова, Булганина, Вознесенского и, не побоюсь этого слова, Берии! Такое, вот, было время: и не захочешь, а доверишься молодым. Потому что нужно впрягаться – и тянуть воз! Да и, как говорится, «молодым везде у нас дорога…». Конечно, и тут нужно разумное сочетание в духе установки «если б молодость знала, если бы старость могла». Потому что одной энергии маловато – требуются ещё и мозги. Потому что, сворачивая горы, можно и шею свернуть, прежде всего, себе.

Я умышленно сделал это небольшое лирическое отступление на тему карьерного роста. А то мне уже сейчас «грузят» продвижение «по блату». В наше время и слова такого

не знали, как минимум, в «бытовом» смысле. Конечно, протекцию могли оказать, но дальше уже сам выплывай! За ручку по жизни тогда не водили! Есть такое американское словечко «selfmademan»: «человек, который сделал себя сам». Боюсь в очередной раз навлечь на себя гнев апологетов «руководящего начала», но я и есть такой, вот, «selfmademan». Никто меня «вверх по лестнице» не толкал, никто не отрабатывал ни поводырём, ни проводником, никто не заслонял «героической грудью» от гнева начальства.

Это я к тому, что сейчас наверняка отыщется немало желающих бросить в меня камень, если не первым, то хотя бы вторым. Припомнят всех моих «знакомых по жизни». Некоторых, правда, усердно «отмазывая» от слишком тесного знакомства со мной, дабы не запятнать этим знакомством их белоснежные ризы. А других моих «покровителей» уже сейчас готовят в «козлы отпущения». Только они, занятые изготовлением «козла» из меня, и не подозревают об этом.

Об этой категории, в силу некоторых соображений, я умолчу. О них ещё вспомнят и без меня. И «знакомство» со мной им ещё припомнят. А, вот, о второй категории сказать можно и даже нужно. Так, уже сейчас «жертвами коварных домогательств негодяя Берии» выставляют моих старших товарищей: Кирова, Орджоникидзе, Мясникова, Лакобу. Всех тех, кто бескорыстно одарил меня своей дружбой. Никого из них уже нет в живых, поэтому следствие безнаказанно может «подтягивать» меня к их финалам. Хорошо ещё, что не всех удаётся «записать в потерпевшие»: к факту гибели Сергея Мироновича меня, как ни старались привязать, а не смогли. Отвязались. Зато отыгрались по всем остальным. По полной программе отыгрались. О Серго и Несторе разговор впереди, а пока я остановлюсь на «моём участии» – «руководящем», естественно – в гибели Мясникова.

В то время, о котором я веду рассказ, Александр Фёдорович Мясников был секретарём Закавказского крайкома РКП (б), а впоследствии – Заместителем Председателя Совета народных комиссаров ЗСФСР. Мне приходилось по работе пересекаться с ним, но нечасто. В Закавказье я был слишком мал для такой величины, как Мясников. Поэтому по всем рабочим вопросам с ним сносился исключительно первый руководитель ЧК-ГПУ республики: в Азербайджане – Багиров, в Грузии – Кванталиани. И это правильно: каждому овощу – свой срок. Тем более что Кванталиани, пусть и хороший мужик, и чекист толковый, а к вопросам соблюдения подчинёнными субординации относился не только ревностно, но и ревниво.

Вот, я и старался не давать ему лишних поводов даже тогда, когда повод возникал помимо моего желания. Что тут поделаешь: в глазах Мясникова я стоял выше и Багирова, и особенно Кванталиани. Но ведь я не сам себя туда поставил! Я ничего не делал для того, чтобы, как говорить, выпятить себя на откровенно бледном фоне своего начальника. Напротив: я всегда «соблюдал дистанцию», «не наступал на пятки» и «не дышал в затылок». А о подножке или о том, что называется «падающего подтолкни», и речи быть не могло! Конечно, Епифан ревновал всё равно, но абсолютно беспочвенно. Так, что совесть моя была чиста.

Поэтому, как говорил один из персонажей Зощенко, «мне оскорбительно слышать…». Или, как говорил уже другой персонаж уже других авторов – Ильфа и Петрова: «а мне эти Ваши намёки очень даже оскорбительны». Речь – о намёках на мою причастность к гибели Мясникова. Тем, кто не помнит эту историю, напомню: двадцать второго марта тысяча девятьсот двадцать пятого года в авиакатастрофе погибли замПредсовнаркома ЗСФСР Александр Мясников, председатель Закавказской ЧК Соломон Могилевский и замнаркома РКИ Георгий Атарбеков.

Как говорится, погибли… ну, и что теперь поделаешь. Тогда, в двадцать пятом, ничего не поделали – и поделывать не собирались. Но сейчас, после слова «погибли» и перечня фамилий и должностей, мои «высокопоставленные критики» делают многозначительную паузу – и разят «убойным доводом»: «В это время Берия работал заместителем Председателя Грузинского ГПУ». И всё. То есть, «sapienti sat»: «догадайся, мол, сама!»

Ну, не сволочи, а?! Мало того, что не потрудились даже «разоблачить» как следует, так ещё и в «жертвы негодяя Берии» определили Мясникова! Человека, который без всяких намёков с моей стороны на всех уровнях характеризовал меня исключительно положительно – и однажды даже «записал в интеллигенты»! Человека, который не побоялся встать на пути «убийственно принципиального» Кедрова, когда тот задумал вплотную заняться мной! Человека, с которым мы ни разу даже не поссорились: ну, вот, нечего нам с ним было делить! Я – небезгрешен, но среди моих грехов никогда не было чёрной неблагодарности. И, потом, кто я такой был для него, если он – один из руководителей Закавказья, а я – всего лишь зампред республиканского ГПУ?! Я не стоял у него на дороге, он не стоял у меня!

Видимо, до моих «разоблачителей» что-то, наконец, дошло, и они подкорректировали обвинение. В новой редакции оно звучало так: «Мясников погиб в авиакатастрофе потому, что „что-то такое“ знал о Сталине». Воистину: «в огороде бузина, а в Киеве – дядька»! Причём тут Сталин?! И что такого в двадцать пятом мог знать о нём Мясников? Тем более, какие «тайны мадридского двора» могли быть после того, как по делегациям зачитали письмо Ленина с нелицеприятной характеристикой Генсека? Если бы Мясников «что-то такое» знал, то, уж, не преминул бы «дополнить» Ленина: Александр Фёдорович был человек горячий и принципиальный.

Да, и что «такого» он мог знать?! Давным-давно разоблачённую фальшивку о «работе» Хозяина на царскую охранку?! Так этой байке цена – ещё меньше той, что о моей службе в мусаватистской охранке: и на ломаный грош не наберётся! И с какого тут боку я?! Как это «знание» могло поставить под угрозу мою карьеру?! Мне это было, честно говоря, «до лампочки»!

Когда я привёл этот довод Руденко, дяденька прокурор быстро объявил перекур. Вернулся из Кремля – а откуда ещё?! – он уже с новой редакцией: «меня „попросил об одолжении“ Хозяин». Ну, а это уже ни в какие ворота! Кто я тогда был для Хозяина?! Он тогда ещё и Хозяином мне не был! Больше того, он меня ещё не знал, и вряд ли догадывался о моём существовании! Ведь это – двадцать пятый год. Он – Генеральный секретарь ЦК, я – небольшой чин в провинциальном ГПУ. Если бы у Хозяина действительно возник «такой интерес», то для такого деликатного мероприятия он нашёл бы человека посолидней. Как минимум, проверенного делом.

После этого контрдовода Руденко уже не отлучался в Кремль: фантазии обвинения иссякли. А когда я «попросил» навалить на меня все самые значительные летальные исходы двадцать пятого-двадцать шестого: Фрунзе, Дзержинский, Нариманов, Владимиров, Красин – вопрос «о причастности Берии к гибели Мясникова» на допросах больше не всплывал. Руденко даже сподобился частично смутиться, когда я предложил ему «для страховки, если не хватит обвинений», нагрузить меня причастностью к аварии аэровагона в июле двадцать первого, когда погиб Артём. Довод – «железный»: я ведь уже работал в ЧК, а, значит, мог оказаться причастным. С учётом сегодняшних «разоблачений» меня «как заклятого врага советского народа» – «наверняка оказался»!

Поскольку у Руденко хватило совести устыдиться, думаю, что и в обвинительном заключении, и в приговоре тему причастности Берии к гибели Мясникова опустят и не осветят. Хотя байку в массы уже наверняка пустили. Чтобы о Берии говорили, как о персонаже басни Михалкова «Непьющий воробей»:

«Мол, точно вспомнить трудновато,
В каком году, каким числом,
Но где-то, кажется, когда-то
С ним что-то было под столом!»

Но вернёмся в двадцать шестой. Это был жаркий год и канун ещё более жаркого года: приближалось окончательное выяснение отношений с Троцким и компанией. Я давно уже

определился с выбором: я был на стороне противников Льва Давидовича. Конечно, в Закавказье позиции оппозиции – пардон за каламбур! – были не так сильны, как в Москве и Ленинграде. Но «элемент» просачивался и к нам. Поэтому отрабатывать приходилось не только «штатную клиентуру» – агентов иностранных разведок, диверсантов и прочих «гостей из-за кордона», но и вчерашних товарищей по партии.

Насчёт товарищей – это я, конечно, образно. Не стыжусь признаться в том, и, больше того, горжусь тем фактом, что среди моих товарищей по партии троцкистов не оказалось. И не потому, что я вовремя успел «дистанцироваться на безопасное расстояние» от сомнительного элемента. Нет: их не было потому, что… не было! Кто-то в какой-то отдельный момент пошатнулся, но выправился и устоял. Так, что мои товарищи никаких «платформ» не подписывали, и на них не стояли.

Разумеется, сторонники Льва Давидовича имелись и у нас. Числом они были невелики, но горласты. Как, впрочем, и сам Лев Давидович. Только, в отличие от Москвы и Питера, здесь мы им воли не давали. Заодно не давали мы и воли рукам, уже своим. Не по причине дружелюбия: за отсутствием надобности.

К чести своей, закавказские троцкисты оказались людьми благоразумными и осмотрительными. Действовали они с оглядкой на столицы, по обстановке, то есть, бездействовали. До коллективов трудящихся мы их не допускали, митинговать разрешали в строго отведённых местах, в формате «больше двух не собираться». Словом, устроили товарищам обстановку маёвок конца девятнадцатого-начала двадцатого веков: тесной компанией, на лоне природы, под шашлык, вино, чтение прокламаций и здравицы в честь Льва Давидовича исключительно шёпотом.

После того, как троцкистов «оптимизировали» в столицах, их «товарищи на местах» угомонились быстро. И сделали они это сами, почти без нашей помощи.В этом отношении провинциальный «народ» оказался благоразумней столичного. И спасибо ему за то, что этот трезвый взгляд на предмет дал нам возможность не отвлекаться на теорию, а целиком сосредоточиться на практике, на действительно серьёзных делах. А они, таки, были, и действительно серьёзные.

Я говорю не о борьбе с правым уклоном, который, как прежде и левый, троцкистский, «уклонялся» где-то в стороне от Закавказья. Во всяком случае, нас он коснулся в значительно меньшей степени, чем обе столицы и традиционную Русь. Нет, большевики Закавказья тоже поучаствовали в «разгроме» Бухарина. Помню, ещё в начале двадцать девятого на объединённом заседании президиума Закавказского крайкома ВКП (б) и контрольной комиссии бухаринцев «заклеймили» и «пригвоздили».

А на Шестом съезде большевистских организаций Закавказья в июле следующего, тридцатого года, наши большевики даже «обставили» москвичей и ленинградцев, когда предложили не ограничиться критикой Бухарина и его сторонников, а сделать в отношении них оргвыводы. Что это значило в те времена, думаю, объяснять не надо.

К сожалению, нашлись для нас и более серьёзные дела, чем теоретические споры, пусть даже и практического назначения. В двадцать девятом вспыхнул мятеж в Аджарии, а в тридцатом по всей Грузии прокатилась волна антиколхозных выступлений. Причиной, а заодно и виной, тому были перегибы во время проведения коллективизации. Как было сказано в знаменитой статье Генсека ЦК «Головокружение от успехов», перегибы совершали товарищи на местах. Так же считало и руководство Закавказского крайкома и ЦК всех трёх республик. Эта позиция нашла своё отражение в документах уже упоминавшихся выше «мероприятий» двадцать девятого и тридцатого годов. А на Шестом съезде было прямо заявлено о том, что «правые» стараются переложить ответственность с местных органов на ЦК ВКП (б) и даже на отдельных его представителей.

В то время я ещё мало касался чисто партийных дел, но и со своей невысокой «колоколенки» тоже кое-что видел. Конечно, перегибали на местах, хотя бы потому, что колхозы

создавались не в Москве и Ленинграде. Поэтому, где ещё и перегибать, как не в провинции, а точнее, на селе? Многие действительно перегибали от излишнего усердия, в точности соответствуя поговорке «дозволь дураку Богу молиться, он и лоб расшибёт!».

Но я бы не стал всё сваливать «на места». Нет, я, может, и стал бы, да факты не позволяли мне это делать. Ведь по должности мне приходилось знакомиться как с открытыми, так и с «закрытыми» документами из Центра. А планы «по охвату» спускались именно оттуда. Кто и как составлял эти планы, я не знаю. Конечно, составлялись они под реальные нужды, но нередко с бухты-барахты. «Товарищи наверху» знали лишь то, что им нужно получить от деревни столько-то, того-то и к такому-то сроку. Ещё они знали то, что обеспечивать это получение будут «товарищи на местах», и пусть только попробуют не обеспечить!

Как говорится, круг замкнулся. Нет, конечно, из Центра не было указаний «вить верёвки» и «выжимать последние соки». Откуда «всего лишь» спускались «вниз» директивы, выполнить которые можно было, лишь «вия» и «выжимая». Поэтому нередко «товарищам на местах» не оставалось ничего другого, как «надрывать пупок и жилы». И, ладно бы, если бы только свои. Самое удивительное во всей этой истории было то, что большинство «товарищей на местах» не являлись ни дураками, ни карьеристами. А, вот, самым печальным было то, что «будущие перегибщики», ещё и не состоявшись в качестве таковых, досрочно знали о своей участи «козлов отпущения».

Почему я так откровенен, и почему иду против линии «Краткого курса»? Ну, хотя бы потому, что я не скрывал своих взглядов от Президиума ЦК. Я имею в виду, разумеется, последнее время, точнее, самые последние месяцы после Хозяина. Так, что, и Никита, и Георгий, и Вячеслав, и Лазарь, и Николай – все они в курсе моего отношения к коллективизации, к колхозам, а в более широком смысле – к проблемам сельского хозяйства. Кроме того, во время обыска у меня наверняка уже нашли мои черновые записки с соображениями по некоторым актуальным вопросам политики и экономики. Хотя, чего их искать: обыкновенные ученические тетрадки на девяносто шесть листов, одна из которых – в письменном столе, другая – в книжном шкафу! И ни одна из них не конспирируется, хотя бы «причастностью к средней школе»!

В том, что обыск был, и сомневаться не приходится: я слишком хорошо знаю своих «дружков» для того, чтобы… слишком хорошо думать о них. А в том, что обыск дал некоторые результаты – речь не о мифических «стволах» и бриллиантах – я могу судить по некоторым, «случайно оброненным», фразам Руденко. Москаленко, как истинный солдафон, всё больше помалкивает в тряпочку, потому, что знает, что «его номер – шестнадцать». А, вот, новоявленный Генеральный прокурор «ненароком проговаривается», словно давая мне понять: «знаем мы твоё кулацкое нутро!»

Назови меня хоть кургузой лошадью, правда от этого не перестанет быть правдой. Я же помню, как коллективизировали Закавказье, и, в частности, мою Грузию. Думаю, что в таких масштабах это мероприятие принесло больше вреда, чем пользы. Нужно же было учитывать специфику гор, и, пусть и вынужденно, но мелкоукладное хозяйство горцев! Там не было ни традиций, ни условий для общинного характера производства!

В таких условиях от развития индивидуальных хозяйств пользы было бы, куда больше. А там можно было бы и кооперацию развивать, но действительно на добровольных началах! Конечно, тогда я ещё не приходил к таким мыслям, а такие мысли не приходили ко мне. И не потому, что я был «безголовым солдатом партии». Я понимал: страну нужно поднимать. А поднимать её можно только за счёт промышленности. А промышленность можно создать только за счёт села: других ресурсов не было. Только за счёт села. Точнее: за счёт ограбления села. Не зря же глава партии не раз говорил о том, что село – в вечном и неоплатном долгу перед городом за то, что рабочий дал крестьянину землю. Честно говоря: сомнительный довод, да и должок – такой же.

Но это я сейчас так думаю. А тогда я считал установку Центра правильной и единственно возможной. Потому что действительно не видел другого пути. Потому что, двинься мы путём Бухарина и компании, и давно бы уже не было никакого Советского Союза, и никакой Советской власти. Услуги Гитлера и не понадобились бы: «ситцевую Русь» наши многочисленные «друзья» проглотили бы вперёд Адольфа Алоизовича. А, может, СССР и сам развалился бы: достаточно общей идейной нестойкости и подходящих руководителей. Таких, например, как Рыков и Бухарин: эти точно подошли бы!

Но даже тогда я считал, что правильную установку выполняли неправильно. И не только на местах, но и в Центре, в планирующих инстанциях. Можно же было и спланировать, и выполнять ограбление села «мякше, тоньше и деликатнее», как сказал наш замечательный сатирик Аркадий Райкин. Не обязательно было «ломать дрова».

Самое неприятное – это то, что никто из руководителей Закавказья не сигнализировал наверх. Я не имею в виду сигналы об отдельных перегибах на местах: это было. Я говорю о сигналах на тему корректировки политики в отношении горцев-крестьян. Вот их, как раз, и не было.

И не потому, что в крайкоме сидели чинодралы и подлецы. Нет, это были порядочные люди и настоящие большевики. Именно в силу второй причины они и не сигнализировали. А в силу первой, если и сомневались в правильности установки, то ничем не выдавали себя. А, вернее всего, что и не сомневались. Потому что настоящие большевики – это убеждённые большевики. Убеждённые начальством, жизнью, старшими товарищами, и потому убедившиеся сами. Или убедившие сами себя.

Поэтому линию на ускоренную массовую коллективизацию гнули, не отклоняясь от неё ни на миллиметр. А, поскольку сила действия равна силе противодействия, то противодействие этой силе не замедлило воспоследовать. Антиколхозное движение у нас мало, чем отличалось от «собрата» в Центральной России или на Украине. Тот же стандартный набор: отказ вступать в колхоз, намеренная ликвидация хозяйства, забой скота, поджоги, порча семян, отрава колодцев, физическая «работа» с активистами. В отдельных случаях – очаговые выступления мелкими отрядами. Но в Аджарии было по-другому: там местная «оппозиция» колхозам устроила не показательные выступления, а настоящий мятеж. Да, где ещё его и устраивать: сколько, там, той Аджарии?! Двадцать километров прибрежной полосы!

Но шуму было много, и не только из глоток. Признаюсь: мы с Красной Армией тоже «пошумели». Во всяком случае, последнее слово осталось за нами. Почем я так говорю? Ну, хотя бы потому, что об этом говорю сегодня я, а не мятежники. А ещё потому, что об этом было сказано в приказе Председателя ОГПУ СССР товарища Менжинского. Приказ был именной, и говорилось в нём о заслугах товарища Берии. Потому я и запомнил его почти дословно, этот приказ ОГПУ от 30 марта 1931 года.

В нём живописно, совсем не в традициях отдела кадров, говорилось о том, что ГПУ Грузии разгромила 80-тысячную партию меньшевиков, а также партии национал-демократов и социал-федералистов. О том, что на высоте местные товарищи оказались и в августе 1924 года, когда разгромили меньшевиков Жордании, и в 1929 году, когда вспыхнул мятеж в Аджарии, и в 1930году, во время массового антиколхозного движение в Закавказье. Дальше Коллегия ОГПУ отмечала, что вся эта работа была проделана национальными кадрами, выращенными и закалёнными под бессменным руководством товарища Берии. О самом товарище Берии было сказано, что он сумел с исключительным чутьём отчётливо ориентироваться в сложившейся обстановке, правильно решать задачи, личным примером заражать сотрудников, передавать им организационный опыт, воспитывать в духе преданности ВКП (б) и её ЦК.

Вынужден признать: так и было. Почему «вынужден», будто я сознаюсь в чём-то недостойном? Да, вроде бы, надо возгордиться такой высокой оценкой «бессменного руководства товарища Берии», но кошки скребут на сердце. Пробую согнать их – не получается. Увы, но и я

приложил руку к гонениям, пусть и не лично, а в форме приложения пера к бумаге. Правда, товарищам о своём непартийном самочувствии я тогда не сказал: не поняли бы. А если бы и поняли, то исключительно неправильно.

С соответствующими выводами персонально в мой адрес. А так они сделали другие выводы в отношении меня – совершенно противоположного характера. Ещё когда сочинялся этот панегирик от 30 марта, я уже был произведён в Председатели Закавказского ГПУ и в полпреды ГПУ РСФСР в ЗСФСР.

Как и в случае с Кванталиани, до этого «производства» я четыре года отработал зампредом Закавказского ГПУ. Хотя правильнее будет сказать, что я отработал и за заместителя Председателя, и за самого Председателя. Председателем и полпредом ОГПУ у нас тогда был Реденс, Станислав Францевич – «близкий» родственник вождя, формата «седьмая вода на киселе». Что-то, там, по линии жены. Как это у русских называется: свояк. Но это обстоятельство позволяло ему требовать свою работу… с меня. И пришлось мне «волочь хомут», пока дражайший начальник предавался любимому занятию: делил компанию с «Ивашкой Хмельницким».

Но не зря мне говорили о том, что Генсек – мужик принципиальный, и не посмотрит на родство, если родственник «не ловит мышей». Так и случилось. Проверяющие из Центра неоднократно уже «застукивали» моего дражайшего шефа «in flagranti delicti», о чём регулярно сигнализировали «наверх». Однажды вождю это надоело – и товарища Реденса «попросили».

Сейчас, естественно, мне «шьют» то, что это я «настучал» на шефа. Дураки: если бы мне нужно было «настучать» на него, стал бы я ждать целых четыре года?! Ведь Станислав Францевич давал повод, чуть ли не ежедневно?! Но не мог я так поступить, даже, если бы захотел так, что мочи нет! Я ведь знал, чей он родственник, и кому обязан карьерным ростом: кроме отдалённого родства с вождём, другими выдающимися личными данными товарищ не блистал!

И ещё я знал, что втереться в доверие к Генсеку – «дохлый номер». Такой же «дохлый», как и попытка обратить на себя внимание, не говоря уже о том, чтобы «закрепиться на завоёванных рубежах». С Хозяином не надо было хитрить: если и покажется ему какой-то человек, то не за счёт своих усилий. И ни в коем случае не следовало мозолить ему глаза, чтобы запомниться и понравиться. Эффект от такого усердия обычно бывал обратным. И холуйские услуги он не принимал, так как был вождь, а не барин. Это я к тому, что донос на Реденса, отправь я таковой, попал бы в разряд именно «холуйских услуг». И не было бы уже того, что было потом.

А я придерживался установки Конфуция: «Ничего не бывает не слишком рано, не слишком поздно: всё случается в своё время». Так оно и случилось – в своё время.

Глава пятая

Конечно, Хозяин к тому времени – тому самому «своему, когда всё должно случиться» – уже знал о моём существовании. Я уже был немалой «шишкой» в органах, имел авторитет у друзей вождя, например, у Дзержинского, к тому же являлся орденоносцем за службу, а их тогда было наперечёт. Некоторые мои «неконторские» подвиги тоже были на слуху. Например, та, наделавшая шуму, и не только в прямом смысле, перестрелка в горах осенью двадцать пятого, когда на зампреда ГПУ Грузии Берию было устроено покушение. И это не было инсценировкой в духе Гиммлера, «заслонившего фюрера грудью»… от холостого патрона. Один из моих товарищей погиб, двое были ранены, а мне пришлось отстреливаться и ждать либо подмоги, либо героического конца.

Но не моё «шишкообразное» положение и не «эхо в горах» обратили на меня внимание Генсека. Главную роль в этом сыграло то, что есть самое дорогое у человека: его друзья. Обо мне не забывали люди одной со мной крови, и, прежде всего, Орджоникидзе и Лакоба. Нет, я не просил их не забывать: за меня это сделали мои дела и моя клиентура. Как говорил классик, «слух пройдет обо мне по всей Руси великой». Вот, он и прошёл, а друзья лишь канализировали его в нужное русло. Так мы встретились с человеком, которого с той поры я имел законное право называть Хозяином. Именно так: с заглавной буквы. Так, как его могли называть только свои – «ближний круг».

О нашем знакомстве с вождём ходило и ходит немало слухов. Не сомневаюсь в том, что в оборот уже запустили старую байку о том, как «коварный интриган Берия» втёрся в доверие к Генсеку. Даю её краткое содержание: Берия и Хозяин якобы впервые встретились летом 1930 года в Цхалтубо, где Берия опять же якобы обеспечивал охрану. И тогда Хозяин – в третий раз якобы! – распорядился подготовить заслушивание в Москве докладов Закавказского крайкома. Ну, чтобы наглядно показать всем, как плохо обстоят там дела с партийным руководством, и как назрел вопрос об укреплении этого руководства!

То есть, Хозяин «предложил» это прямо тут же, не сходя с места – лишь для того, чтобы следом за этим предложить кандидатуру Берии на пост второго секретаря Заккрайкома ВКП (б)! И всё это потому, что его перестал устраивать тогдашний «второй» Лаврентий Картвелишвили, на смену которому он и выдвинул другого Лаврентия – Берию! А устраивать его он перестал «лишь потому, что хочется мне кушать!». «Мне» – это «интригану Берии», конечно! А Хозяин лишь «пошёл на поводу» у того, кто «коварно втёрся в доверие»! А на очереди уже стоял и сам «первый»: Мамия Орахелашвили! Таким образом, якобы, два «нехороших человека нашли друг друга»: Берия «втирался», а Хозяин обзаводился своими людьми и расставлял их повсюду на ключевые посты!

Ну, что, тут, скажешь? Ну, не «втирался» я, а Хозяин не «обзаводился» и «не расставлял»! Меня, во всяком случае, точно «не расставлял», потому что не был я ещё для него «своим»! По времени не успевал, за малым стажем знакомства! Отсюда – тема Картвелишвили. Лаврентий Иосифович был мужик хороший, но как руководитель – уездного масштаба, не выше. Человек не зрел в перспективу, а потому и не видел её.

А Хозяину нужны были люди масштабные и масштабно же мыслящие. (Это я, хоть и о себе, но словами других людей! Так, что, не бейте сразу!). Да и с Украиной он был связан больше, чем с Грузией, а это тоже надо учитывать. Поэтому мной или кем-либо другим, рано или поздно, но Картвелишвили заменили бы. Потому что – объективная необходимость. Потому что человек перерос одну должность, но так и не дорос до другой. К сожалению, бывает и такое. Жалко человека – страдает ведь, но лучше пусть страдает один человек, чем всё дело!

Теперь – по датам и обстоятельствам. Должен огорчить сочинителей байки: мы с Хозяином впервые лично встретились не в тридцатом, а в конце тридцать первого. Случилось это

вскоре после моего письма Нестору Лакобе, в котором я написал: «Очень хотелось бы увидеться с т. Коба. При случае напомни ему об этом».

Зачем я «домогался» этой встречи? Скажу сразу: не для того, чтобы «подкопать» Картвелишвили. Этому человеку суждено было уйти и без моей помощи: он «подкапывал» сам под себя, и не интригами, а результатами деятельности. Вернее, их отсутствием. А я всего лишь хотел ознакомить вождя с действительным положением дел в Закавказье. К сожалению, руководство Заккрайкома нередко выдавало желаемое за действительное, и, руководствуясь этой информацией (по сути, дезинформацией), в Центре принимали ошибочные решения. Не хочу себя выпячивать, как говорил киношный герой Бывалов, но и Ленин, и Дзержинский, и Менжинский принимали меня через голову прямого начальства лишь потому, что хотели услышать правду. И не для того, чтобы её послушать. Тем более, не для того, чтобы развлечься слухами или обзавестись свежей порцией компромата, а для того, чтобы руководствоваться моей информацией при принятии решений.

А мне было, что сказать Хозяину. И Закавказье в целом, и все республики по отдельности переживали непростой период коллективизации и индустриализации. Краевое начальство из желания угодить Москве «растекалось мыслью по древу»: хваталось за всё сразу, не сообразуясь с тем, насколько то или другое начинание подходит горным республикам. А мы ведь – не Кубань, не Ставрополье, не Дон, и не нам замахиваться на рекордные урожаи зерновых на рекордных же площадях.

Моя встреча с вождём тогда не состоялась: Лакоба встретился с ним наедине. Потом он мне рассказывал, что после краткой, но яркой характеристики Берии тут же предложил Хозяину перевести меня на партийную работу: «Пора!». Не знаю, как для Хозяина, но для меня предложение было неожиданным: я ведь собирался встретиться с Хозяином не для того, чтобы «выдвинуть свою кандидатуру».

Но кандидатура «прошла» и без «самовыдвижения» – и 14 октября 1931 года я был избран Первым секретарём ЦК Компартии Грузии. Перед этим назначением я и встретился с Хозяином впервые в жизни. И не оттого, что он уступил моим домогательствам и протекции Лакобы. Так было принято тогда: кандидатуры на пост руководителей ЦК Компартий союзных республик должны были получить одобрение в Москве, «на самом верху». Хотя, почему только тогда: и сейчас – тоже.

Вскоре моя кандидатура получила одобрение и во второй раз: ровно через месяц я был избран вторым секретарём Закавказского крайкома. От обязанностей Первого секретаря ЦК Компартии Грузии меня, разумеется, никто не освобождал: не для того избирали. То есть, не для того, чтобы я делал карьеру – а работал кто-то другой.

Первым секретарём Заккрайкома был тогда Мамия, он же Иван Дмитриевич, Орахелашвили. Старый большевик – с девятьсот третьего года, старше меня на восемнадцать лет, с богатой революционной биографией: участник первой революции в Петербурге, член Кавказского крайкома, председатель ЦК Компартии Грузии, член Кавбюро ЦК, председатель Ревкома Грузии, председатель СНК ЗСФСР, первый секретарь Заккрайкома.

Что тут сказать: биография, достойная всяческого уважения. А, вот насчёт человека… Трудный он был человек, Мамия Орахелашвили. Это я не о том, что горячий: все мы, южане, горячи. К сожалению, Иван Дмитриевич нередко возводил принципиальность в принцип, а это уже нечто другое. Потому что тогда уже объективность ему изменяла. Проще говоря: товарищ шёл на принцип – как лез на рожон. То есть, ломясь, как лось, или подстать носорогу: не разбирая пути.

Говорю об этом с горечью, но наши отношения с Орахелашвили не сложились. Мамия очень болезненно воспринял моё назначение. Я пытался не словами, а делом доказать ему, что он заблуждается на мой счёт, что у меня и в мыслях нет «подсидеть» его, но, куда, там! Как итог: почти с первых дней я стал объектом «принципиальной критики старшего товарища».

Мамия словно задался целью показать, что Москва совершает ошибку в отношении него, что «старый конь борозды не портит», особенно, если он ещё и не старый: всего-то пятьдесят лет, что Берия по молодости лет и чекистскому прошлому «наломает дров».

А потом Орахелашвили совершил непростительную ошибку: старый большевик опустился до жалоб и склок в кругу своих приближённых. (Я, разумеется, этого круга – никаким боком: не удостоили). Мамия начал распространять слухи о том, что Берию ему навязал Хозяин. А ведь это было неправдой. Если, уж, кто меня и «навязал», так это Нестор Аполлонович Лакоба, председатель ЦИК Абхазской АССР. Поддержал его – и меня, разумеется – Серго Орджоникидзе, в то время председатель ВСНХ и член Политбюро ЦК. А Хозяин – и то, в худшем случае – лишь «пошёл на поводу» у них!

Разумеется, «слухи о слухах» быстро дошли до Москвы. Уверяю вас: я здесь ни при чём. Меньше всего я хотел, чтобы мою фамилию поминали в таком контексте, да ещё, где: в Москве! Я никогда не был карьеристом, шагавшим по головам, в том числе, и благодаря «телефонному праву».

А Мамия всё не унимался. В каждом моём предложении, в каждом моём шаге он теперь усматривал только подрыв его авторитета и покушение на его кресло. Честное слово: досадно было видеть, как старый большевик скатывается до уровня соседа по коммунальной квартире.

В интересах самого же Орахелашвили было не разжигать ненужные страсти, и немедленно прекратить распространять слухи. Но он «пошёл другим путём». Сам пошёл: я его не подталкивал. Как и куда пошёл? Обыкновенное дело: вразнос. Тогда из Москвы и приехали люди. Не по моему сигналу: Мамия сам «дозвонился в колокола». Товарищи поговорили со мной, поговорили с Орахелашвили, и уехали. С чем именно, я не знал. Мне лишь оставалось надеяться на то, что с Иваном Дмитриевичем «провели разъяснительную беседу», и успокоили товарища заверениями в том, что со стороны его зама по его адресу не обнаружено никаких поползновений. Во всяком случае, приезжим товарищам я дал именно такие «признательные показания».

Но я ошибся. 17 октября 1932 года состоялся пленум крайкома, и я был избран Первым секретарём Закавказского крайкома ВКП (б) с оставлением первым секретарём ЦК Компартии Грузии. Не скажу, что это стало для меня неожиданностью. К тому всё и шло: либо я – либо Мамия (пардон за каламбур). Хрестоматийная ситуация «двух медведей в одной берлоге». Выбор сделали в пользу «более молодого медведя». Также не буду утверждать, что я был избран единогласно: наверняка сторонники Орахелашвили «набросали» мне «чёрных шаров». Но, как бы там ни было, а мандат доверия большинства я получил. Потом уже и Серго, и Нестор говорили мне о том, что Хозяин согласовывал мою кандидатуру с ними обоими, как вместе, так и по отдельности.

Думаю, что не только с ними: в кадровых вопросах Хозяин никогда не опирался на мнение одного человека. Не сомневаюсь в том, что он делал выбор. Ему было жаль отстранять Ивана Дмитриевича, с которым они были знакомы многие годы ещё до революции. Но Хозяин был человеком дела, а Мамия со своими необоснованными претензиями встал поперёк. Не поперёк горла – поперёк дела. Он стал мешать, и не Хозяину, а именно делу. Это и определило выбор Хозяина, как и во всех аналогичных случаях. Это, а не то, что ему якобы не понравились критические замечания Орахелашвили в свой адрес, намёки на личное недоброжелательство в отношении него и протекцию «ставленнику Кремля» Берии.

Но теперь всё это уже было в прошлом. А в настоящем были текущие дела, одно «текущее» другого. Нужно было доводить до конца коллективизацию, и, желательно, не до конца колхозников. То есть, задача стояла примерно так, как выразился один товарищ: «Убей меня нежно». Должен сказать, что пришёл я уже на «унавоженную почву»: к маю 1931года в колхозы вступило почти 37 процентов всех хозяйств Грузии. То есть, «дров наломали» уже без меня, и больше, чем на треть от планового задания.

С учётом этого обстоятельства перед избранием я поговорил с Хозяином напрямую, и заручился его согласием на «выпрямление перегибов». То есть, план по охвату с меня никто не снимал, но выполнение его посредством «ножа у горла крестьянина» отменялось.

Не хочу хвастать, но кое-что у меня получилось. Нет, снять удавку с шеи горца-крестьянина мне не удалось, зато удалось её существенно ослабить. И мужик вздохнул свободнее. А тут ещё я, каюсь, воспользовался давней слабостью Хозяина к садоводству, особенно к выращиванию цитрусовых. Была такая «мечта-идея» у вождя: обеспечить страну и народ субтропическими продуктами отечественного производства. Теоретически условия для этого были. Я имею в виду природные условия: Абхазия и Аджария в Грузии, Ленкорань в Азербайджане – это классические субтропики, пусть даже и не такие «субтропические», как те, что по берегам Средиземного моря.

И я предложил Хозяину превратить Закавказье в цветущий сад. Не всё, конечно, зато не в переносном смысле. Я ещё не был удостоен чести побывать на дачах Хозяина, но от того же Лакобы знал, что на них и под Москвой, и на Кавказе – настоящие сады. И выращивалось там всё, «в диапазоне» от картошки до апельсинов! Хозяин был по-хорошему фанатом этого дела, и поэтому он сразу же загорелся моим предложением. А, загоревшись, тут же ухватился за него – и за меня – и моментально превратил «сказку в быль»: поставил цель, и сделал её плановым заданием. И, попробуй, теперь его не выполнить!

Но я знал, на что шёл. Точнее, к кому, и с чем. Поэтому моё предложение ни в малейшей степени не было мечтами в духе гоголевского Манилова. Прежде чем выходить с предложением, я основательно проработал его со знающими людьми. Мне не раз говорили – потом я и сам в этом убедился – что идти к Хозяину неподготовленным – всё равно, что гарантировать себе крест и Голгофу. Поэтому мы с товарищами прикинули, рассчитали, и я предложил Хозяину цифру в сто миллионов плодов цитрусовых ежегодно. Это была реальная цифра, и под неё я готов был заложить не только плантации, но и свою голову.

Хозяин внимательно «заслушал доклад», быстро пробежал глазами мою «экспликацию», и поморщился:

– Что это за цифра: сто миллионов?! Уездный размах! У Вас же под рукой всё Закавказье!

И тут я «бросился на амбразуру». Не буду врать, что от отчаяния: «согласно плану».

– Батоно, не сочтите меня правоуклонистом, но перегибы в ходе проведения коллективизации нарушили не только традиционный уклад горца, но и структуру посевных площадей, и специализацию производства. Горам и субтропическому побережью навязали, по сути, равнинное хозяйство для кубанских степей. При таких условиях мы не можем замахнуться на большие цифры.

Хозяин нахмурился: ему явно не понравился мой «экскурс в прошлое», да ещё «с правым уклоном». Он молчал, и я уже терялся в догадках, на какую именно тему. Точнее, вначале терялся, но очень быстро с ужасом «находился». Честно говоря, я уже не исключал того, что трудовую деятельность мне придётся теперь продолжить в местах, совсем не похожих на субтропические. Минуты полторы Хозяин изводил меня молчанием, и, наконец, «вышел в эфир».

– Если будет поставлена достойная цель, Вы получите шанс создать для её достижения все необходимые условия. Вы меня понимаете?

Ещё бы, я не понимал! Хозяин открыто давал мне «карт-бланш». Вопрос только: под какое обязательство? И я ещё раз «отважился на дерзость».

– Батоно, не могу я узнать, какую именно цель Вы считаете достойной? Ну, каковы примерно её параметры?

Хозяин усмехнулся, разглаживая кончики усов мундштуком трубки.

– Ну, зачем же «примерно»? Я Вам назову точную цифру: четыреста миллионов.

У меня широко открылись не только глаза, но и рот. От неожиданности я даже не смог удержать на месте челюсть – и она отвисла.

– Вношу поправку, – обнадёжил меня Хозяин, но при этом почему-то усмехнулся ещё активнее. Я даже успел частично перевести дух: «Ну», – думаю, – «пронесло!»

– Не четыреста: пятьсот миллионов.

Нечего сказать: «внёс поправку»! После этой «поправки» я, наверно, с полминуты не мог прийти в себя. И уже не от неожиданности: это мы «проехали». На место неожиданности теперь заступило чувство страха: я понял, что только что мне определили плановое задание! Да, ещё, какое: в пять раз превышающее наши расчёты! Я ещё готов был «подписаться» на двести миллионов, ну, на двести пятьдесят, и то после соответствующей «деколлективизации», что само по себе было чревато, несмотря на все «индульгенции» Хозяина! Но пятьсот! Это же ни в какие ворота!

– Ну, как: берётесь?

Вопрос Хозяина как-то сразу вывел меня из транса. Да и вопрос был лишним: от других людей я уже знал, какие варианты ответа есть на него, и каковы последствия для каждого из вариантов. Нет, ответ уклончивый, не говоря уже о категорическом «Нет», не влёк за собой «политических репрессий». Хозяин «всего лишь» говорил стандартную фразу: «Ладно, найдём другого, который справится» – и человека, у которого «вместо сердца…» – … сердце, а не «пламенный мотор», отпускали на все четыре стороны. Только с этого момента он не просто выпадал из обоймы, зачастую не успев, как следует, и впасть в неё, но и выходил из доверия. А это вряд ли лучше возможности выйти из дверей «не под ручку с товарищами из органов». Такой, вот, «гарнир» к освобождению от бремени.

Я «выпадать» не собирался, и поэтому ответил Хозяину максимально твёрдо, стараясь не убегать глазами от его тяжеленного взгляда.

– Да, берусь!

Хозяин как-то сразу подобрел. Это потом я понял, отчего так. Ответ прост: заручившись согласием, Хозяин уже не сомневался в том, что человек, «подписавшийся на дело», в лепёшку расшибётся, но сделает его! И не просто сделает – к сроку, и в точном соответствии с заданными параметрами! После этого мне не оставалось ничего другого, как откланяться и отправляться совершать подвиг.

Глава шестая

Сейчас «объективное и беспристрастное следствие» всю мою деятельность представляет как бесконечную цепь чудовищных преступлений. Так, словно не успев завершить одно злодеяние, я тут же брался за другое. Для изображения моей партийной работы в Закавказье – это ни много, ни мало семь лет – у моих судей не нашлось никакой другой краски, кроме чёрной. Нет, ещё одну краску они, всё же, используют: красную. Исключительно в контексте известного песенного текста: «След кровавый вяжется по сырой траве». Но, если в песне след вязался за героем Щорсом, то в моём случае, в интерпретации следствия, этот самый «след кровавый вяжется» исключительно за «монстром и вурдалаком Берией». То есть, кровь эта – не «героического происхождения» из товарища Берии, а его многочисленных и исключительно безвинных жертв!

Правда, товарищи забывают об одной маленькой детали: а кто же все эти годы работал?! Потому что «по щучьему велени» всё случается только в сказках! А ведь и в Грузии, и во всём Закавказье много, чего случилось за эти годы – и, уверяю вас, не только плохого! Когда я задаю этот вопрос, ловкач Руденко сначала теряется, а потом «находится»:

– Работала партия! Работал весь народ!

Но затем, понимая, что всю партию, а тем более, весь народ, в кресло Первого секретаря ЦК Компартии Грузии не усадить, Руденко корректирует линию:

– Да, успехи были, но они достигались не благодаря, а вопреки Берии!

Хорошо завернул – только я не понял! Откуда бы взялись успехи, если бы для их достижения хотя бы не ставились цели?! Анонимный народ сам себе целей не ставит: он живёт в формате «существует»! По принципу «как прадеды жили». Взять те же цитрусовые: как выращивали для себя энное количество, так и выращивали бы! Даже не знали бы, что можно для всех, и в гораздо большем количестве, если бы не «подлец Берия» и ему подобные «негодяи»! Вот и все его «успехи»! Так что, хочется кому-то или нет, а у «народа» должна быть фамилия! Не сами же собой «достигались» успехи?!

А ведь цитрусовые – это лишь частный случай: за семь лет их набралось сотни, если не тысячи! Одни построенные заводы чего стоят! Мы ведь заработали и орден, и переходящее Красное Знамя! А «по версии следствия» получается, что вопреки Берии выполнялись задания, выполнения которых и добивался Берия! Ведь сначала задача ставилась мне, а уже потом я её отправлял по инстанции! И, ладно бы, только отправлял в духе Фамусова: «Подписано, так с плеч долой!». Так, ведь нет: я не только контролировал, но и обеспечивал исполнение! И не потому, что я такой сознательный, а потому, что попробуй я только не доложить об исполнении к сроку!

Поймите: невозможно добиться цели, если не ставить её! Да и только ставить – мало: нужно ещё добиваться! Сама собой цель не достигнется, потому, что, не в обиду народу будь сказано, «щук» для работы «по щучьему велению» у нас не было, а, вот, Емель – хоть отбавляй! Да, роль исполнителей велика. В конце концов, это их руками делается дело. Но глупо отрицать значение руководителя. Глупо и неисторично. Ведь не зря ещё в Библии сказано: «Слепые вожди слепых, а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму». А поскольку мы не только не «упали в яму», но и достигли новых высот – значит, слепых в нашем тандеме не было! Это я упреждаю довод следствия о том, что народ слепым не бывает. Но поскольку я работал его вождём, и мы не «упали в яму», то, значит, и я не слеп!

Или, вон, китайцы поют о своём Мао: «В открытом море не обойтись без кормчего». Разве не довод?! Так, зачем же делать идиота… нет, не из меня: из собственного народа?! Ну, не могут достигаться успехи вопреки руководителю! Это – азбука здравого смысла! Если, уж, все злые дела приписываются одному человеку, то диалектика обязывает приписывать ему

и все добрые! Давайте же будем диалектиками, то есть, последовательными в суждениях! Это не тот случай, когда можно отделить овец от козлищ! Валить кулём – так всё: и белое, и чёрное! А иначе какие же мы материалисты?!

Конечно, «скоро только сказка сказывается». Это я к тому, что на пятьсот миллионов плодов мы вышли только в тридцать шестом. Но Хозяин и не требовал от нас выполнения «здесь и сейчас» в духе установки «вынь, да положь!». Он понимал не хуже Остапа Бендера, что «скоро только кошки родятся». На запланированные цифры даже сверхударными темпами при максимально благоприятных климатических – и политических – условиях, мы могли выйти, в лучшем случае, в тридцать седьмом. Но мы «улучшили» этот «лучший случай», и «обставили» не только план, но и сверхплан.

А на тридцать седьмой пошли новые плановые задания – как водится, уже повыше достигнутых. Новые плановые задания пошли на тот самый тридцать седьмой, при упоминании о котором публика сейчас начинает скоропостижно бледнеть и падать в обморок: «Как, в тридцать седьмом ещё была „гражданская“ жизнь?!». Была – и ещё, какая активная! Ох, и задурили головы людям этими байками о «чудовищных масштабах репрессий»! Конечно, нет дыма без огня, но не в таком же количестве?! Это я и о количестве дыма, и о количестве репрессированных. А то одни «правдоискатели» доискались уже до цифры в шестнадцать миллионов лагерников, а другие – до всех тридцати! Получается, что «подвергся» каждый шестой, включая женщин, стариков и грудных детей!

Это даже не бред – это бред сивой кобылы! Дальше я ещё остановлюсь на этом вопросе, а сейчас могу сказать лишь одно: да, в тридцать седьмом несколько тысяч человек «определили», кого к стенке, кого на Колыму. Были среди них и «надлежащие ответчики» – по меркам того времени, разумеется. Но часть «понесла чужой крест»: этот факт отрицать нельзя. Только не надо «раздувать из искры пламя». Того количества репрессированных было явно недостаточно для того, чтобы запугать весь народ.

Ну, вот, представьте, что вы живёте в городе, в пятиэтажном доме на шесть подъездов, по двадцать квартир в каждом. То есть, всего – сто двадцать квартир. Берём в среднем по четыре человека на семью. Итого, грубо говоря – пятьсот душ. В одной из квартир, где-нибудь ближе к «хвосту» дома, «берут товарища». Что, остальные тут же впадают в ступор и прочие непроизводительные состояния? Да, ничуть не бывало! Подавляющее большинство из них и не подозревало о существовании этого человека, поэтому «слух пройдет обо мне по всей Руси великой» – это не о нашем «товарище среднестатистическом арестанте». Основная масса даже не узнает о том, что кого-то арестовали. Вон, и сейчас каждый день арестовывают кого-то: то уголовника, то хулигана. Что, народ трепещет и ужасается?! То-то и оно.

Я специально привёл нарочито грубый пример. Только привёл я его неспроста: соотношение репрессированных и всех остальных – примерно такое же, как и соотношение жильцов и арестантов в том многоквартирном доме. Это – к теме восприятия тридцать седьмого года как какой-нибудь «пятницы, тринадцатое число». Для подавляющего большинства граждан страны это был обычный год. Нормальный год. Даже, вон, новогоднюю ёлку стараниями Хозяина возродили – первую с семнадцатого года. Строились заводы, фабрики, на которые потом люди ходили на смену, а после смены в кино, в театры, на худой конец, в пивную. Словом, для подавляющего большинства продолжалась нормальная жизнь. А то, послушаешь этих «правдоискателей», так в тридцать седьмом только и делали, что поголовно умирали или готовились к смерти – и то, и другое в страшных мучениях! Будто и не любили советские люди, и не женились, и не рожали детей!

Конечно, для многих жизнь несправедливо остановилась, а для некоторых и вовсе кончилась. Этому есть объяснение, но нет оправдания. И об этом разговор ещё впереди. Сейчас же я хочу сказать лишь то, что не надо нам, жившим в то время, рассказывать о том, как мы

не жили, а выживали, и то лишь чудом. Не надо «Мике забивать баки»: мы ведь не с Луны десантировались – и сразу же в пятьдесят третий!

А теперь вернёмся на несколько лет назад. (Не спешите забрасывать меня гнилыми помидорами! Я ведь заранее предупреждал о том, что не всегда смогу придерживаться хронологии: я не писатель – я только учусь). Так, вот: не хочу выпячивать себя, но на партконференции Тифлиса в январе тридцать второго, то есть, всего через три месяца после моего избрания, товарищи уже отметили меня. И как: «Под твоим руководством парторганизация Тифлиса уверенно и быстро пойдёт к новым победам. Твоя критика старого руководства является для нас образцом политической бдительности»!

Только прошу не записывать меня задним числом в организаторы репрессий! Слова о «политической бдительности» в то время являлись общим местом всех выступлений на всех уровнях. Оно и понятно: не успели разобраться с троцкистами – объявились правоуклонисты. Разобрались с правоуклонистами – оживились националисты. Поприжали националистов – «проклюнулась» оппозиция в армии. А тут ещё незваные «гости» из-за рубежа, и всё больше «табунами» и не с дружеским приветом. Поневоле зациклишься на политической бдительности.

Но отметили меня товарищи за критику совсем другого плана. Критиковал я не утрату политической бдительности, а «совсем мирное» разгильдяйство, зазнайство, кумовство, неумение работать творчески, неспособность меняться вместе с меняющимися условиями. Словом, всё отжившее: отживший стиль работы, отживший стиль руководства, отжившие представления о том, «что такое хорошо, что такое плохо».

Конечно, не всем это понравилось. И, разумеется, среди тех, кому это очень не понравилось, оказался и Мамия Орахелашвили. Больше того: он оказался не просто в первых рядах, но «во главе движения несогласных».

Товарищ решил, что я, наконец, получил возможность свести с ним личные счёты. Но товарищ ошибался: у меня с ним не было личных счетов. Разве что, общественные. Но и только!

Хотя я понимал, отчего он так «принципиальничает». Ведь, критикуя тифлисских руководителей, я, по сути, критиковал методы работы Орахелашвили. И не потому, что «рыба гниёт с головы», а потому, что «голова» и «туловище» являли собой единое целое. Это я о том, что большую часть руководства городской партийной организации составляли выдвиженцы Орахелашвили. Они являлись его опорой и проводниками его политики. Политики, которая уже не отвечала требования времени. Политики, которая уже тормозила развитие Грузии и всего Закавказья.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что я начал «ротацию кадров». И не только из верности принципам «своей команды» и «новой метлы». Старые кадры, извиняюсь за каламбур, устарели. Всеми своими корнями они проросли в занимаемые кресла, и всем они были довольны. Даже тем, чем не могли быть довольны хотя бы в глубине души. Разумеется, с ними мне было не по пути, так как с этими людьми «каши не сваришь», а я получил именно такую установку. Перевоспитывать взрослых, а то и пожилых мужиков – это даже не смешно. Поэтому оставался единственный вывод: «дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону». Я освободил товарищей от непосильного бремени власти, и трудоустроил их, каждого по способностям. Хотя многих из них по способностям полагалось бы пристроить к метле: на более высокую должность способностей не набиралось.

Мамию тоже убрали. И не только из Грузии, но и с Закавказья: старого большевика определили хранителем партийных святынь. То есть, Иван Дмитриевич был назначен заместителем директора Института Маркса, Энгельса, Ленина. Туда ему и дорога… как старому большевику. Честное слово: этого перевода я – никаким боком! Да и то: не в Сибирь же направили – в Москву! Как сказали бы в Одессе: «Чтоб меня так „уели“!»

Но недовольные в ЦК остались. К сожалению, я был верным адептом партийной дисциплины: «не Первый секретарь избирает ЦК, а ЦК избирает Первого секретаря». Поэтому и сохранилось в Тифлисе «наследие» Орахелашвили в лице товарищей Гогоберидзе, Квирикадзе, Меладзе, Папулии Орджоникидзе – брате Серго, Яшвили, Ломинадзе и некоторых других. Свое недовольство руководством Берии они высказывали «по поводу и без». Проще говоря: по любому поводу. Чтобы я не делал, я делал «не так». Даже «выполнение с перевыполнением» подвергалось решительной критике: «можно было перевыполнить больше, и с меньшими затратами». И это говорили те, кто до меня не давали и меньших планов, а о больших и не мечтали!

Особой критике подвергался мой «авторитарный стиль руководства»: якобы я не советуюсь с товарищами. Часть правды в этой критике имелась. Я и рад был бы советоваться – не всё же одному тянуть! Мне же было бы легче: я ведь не враг себе! Только не зря говорится, что «обжёгшись на молоке, дуешь на воду». Я несколько раз посоветовался с «товарищами оппозиционерами»… и зарёкся делать это впредь. Потому что каждый раз получалось одно и тоже, и всё в духе крыловских «лебедя, рака и щуки».

«Раз пошла такая пьянка», то хочу сознаться: я считал и считаю, что не дело партии подменять собой хозяйственные органы. Заниматься экономикой – это задача правительства, министерств, трестов и так далее. Задача партии – общее руководство политическими процессами, которые протекают в обществе и государстве. Подбор кадров, пропаганда, контроль, определение курса, «воспитание в духе» – вот, чем должна заниматься партия. Сюда можно добавить ещё только общее руководство внешней политикой и вопросами обороны. Всё.

И я рад был бы «размежеваться» и «поделиться», даже под угрозой обвинения в очередном уклоне, да только с кем?! С людьми, которые не отучились работать лишь потому, что и не научились?! С людьми, которые привыкли руководить бумажками, и исключительно из-за стола?!

С людьми, которые могли заболтать любой вопрос и любое дело?! А ведь результат спрашивали именно с меня – и в первую очередь (она же и последняя)! И пусть «битый небитого везёт», но я впрягался, и вёз! Иногда солировал, чаще всего, в одиночку. Как тут не вспомнить Омара Хайяма:

«Ты лучше голодай, чем, что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе, с кем попало!»

Правда, к победным рапортам все собирались до кучи: «и мы пахали». Я лишь скрипел зубами: главное – дело. Оргвыводов в отношении «товарищей» я не делал, но выводы сами напросились. Точнее, один вывод: «на дядю надейся, а сам не плошай!». Потому что «плошать» придётся в одиночку. Это лишь к обеду здесь «каждый – Тит, который «А где моя большая ложка?!». Во всех остальных случаях – «обратная» классика: «Тит, пошли молотить! – Не могу, у меня живот болит!». Увы, это лишь у победы много отцов. А у поражения он всегда один. Тоже – классика.

Но побед было больше, чем поражений, и я пока ещё «держался в седле». Как это, у Симонова в «Сыне артиллериста»: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла». К сожалению, может, и это «ничто» не всегда среднего рода. Нередко с куда большим успехом его может заменить «группа товарищей». Поэтому мне приходилось не только тянуть воз экономики, но и отбиваться от нападок «соратников». Ну, вот, такими принципиальными они оказались, что не могли остановиться: всё продолжали меня разоблачать.

Дело зашло так далеко, что дошло уже до анекдотических обвинений. То есть, «всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Сначала по Тифлису, и а затем и по всей республике поползли слухи о том, что Берия начал арестовать мужей привлекательных женщин.

И отпускал он их якобы, лишь «добившись своего». Ну, чего «своего», понятно и без расшифровки. Самое интересное, что Берия «начал безобразничать» уже в тридцать втором! То есть, едва «усевшись в кресло»! Прямо не Берия, а Нерон и Распутин «в одном флаконе»!

Обвинение – не новое, но наглое. В точном соответствии с установкой Геббельса: «Чем чудовищнее ложь, тем легче в неё поверят!». Вот, только дата подкачала. Ну, не было ещё в тридцать втором такого числа арестов, которое соответствовало бы числу «соблазнённых мной» женщин!

Я не говорю о том, что арестов не было вообще. Но арестовывали лишь тех, кто угодил в прицел ГПУ, и не за красивые глазки своих жён. Кстати, у некоторых и жён-то не было, а те, что были у других «некоторых», могли привидеться, разве, что в страшном сне! Без лишней скромности должен признаться, что «блудодей Берия» всегда имел отменный вкус. Поэтому «жертвы» в большинстве своём не имели и шансов на то, чтобы стать таковыми. Скажу больше: при таких внешних данных они не смели даже надеяться на это!

Вторая неувязочка: тех, кого арестовали, уже не отпускали. Это легко проверить по архивным документам. Вывод напрашивается сам собой: либо «подлец Берия» оказался «вдвойне подлецом», и нарушил слово «после обесчещивания», либо он «завладевал женщинами» каким-то другим путём, не связанным с временным лишением свободы их мужей. Но, безусловно, всё равно коварным!

Эх, грехи наши тяжкие!.. Я никогда не демонстрировал ангельские крылья – по причине их отсутствия у себя. Больше того: я никогда и не притязал на них. Как и всякий нормальный мужик – женатый или холостой – я засматривался на красивых женщин, иногда на ходу, иногда подолгу, в относительно спокойной обстановке. Но, даже не будучи верующим, я свято исповедовал один библейский завет: «Не пожелай жены ближнего своего!». В наше время, да и потом, в уголовной – и не только – среде бытовало такое выражение: «Не „греби“ там, где работаешь, не кради, там, где живёшь!». В самом деле: или мало незамужних женщин?!

Хотя, признаю: отдельные поползновения были… но только в мой адрес. Меня действительно пытались соблазнить – как раз, некоторые из тех самых «жертв». То есть, те самые жёны тех самых мужей, которых я якобы арестовал специально для того, чтобы «добиться своего». А ведь своего добивались именно они, и уже не в кавычках. Мужички нарочно подставляли мне – с дальнейшим подкладыванием под меня же – своих «красавиц» -жён исключительно в корыстных целях. Так они рассчитывали: а) заручиться моим добрым отношением; б) уйти от ответственности за прошлые грехи; в) получить индульгенцию на будущее; ну, и г) держать меня этим компроматом «на коротком поводке».

Так, что это я – жертва, и без всяких кавычек. Жертва посягательств и клеветы. А мои несостоявшиеся соблазнители – не жертвы, а самые настоящие злоумышленники. При желании я мог бы из этой «искры раздуть пламя», и «определить» и мужей, и жён по политической статье. Например, за попытку опорочить Советскую власть – в моём лице. Или хуже того – за организацию антисоветского заговора. Мне не составило бы труда подкрепить обвинения свидетельскими показаниями и вещественными доказательствами: талантами по части следственно-оперативной работы Господь меня не обнёс.

Так, что я мог бы снизойти, но не захотел опускаться. Опускаться до их методов и до их уровня. Хотя с некоторыми из муженьков действительно пришлось расстаться. Только их «красавицы» -жёны могли не опасаться за свою, давно отсутствующую, честь. Потому что муженьки этих жён пострадали не от моей похоти, и даже не от моей прихоти, а исключительно от несоответствия занимаемой должности. Ни у одного из них не нашлось хотя бы минимума основанию к её занятию…

Глава седьмая

На днях Руденко – вне очереди, или по причине отсутствия других «составов преступления»: не сочинили ещё – стал мне «грузить» авторство книжки «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

– Вы признаёте, что присвоили себе чужой труд?

– Ничего подобного! – не задержался я с ответом – и был прав «на все сто».

Да, книжку эту писал не я, да и не собирался писать. Не было у меня таких планов, и никто меня ими не «нагружал». Просто отдельные товарищи на местах «проявили инициативу»: не отставать от Центра и других республик. Ведь к тому времени нарком обороны Ворошилов давно уже написал свой знаменитый труд «Сталин и Красная Армия». Вернее, за него написали, а он «осчастливил» сей труд и его сочинителей личным авторством.

И наше Закавказье не осталось в стороне от почина. В 1934 году в свет вышла книга «Сталин и Хашим» с предисловием самого Нестора Лакобы. Книга была посвящена революционной деятельности Хозяина в Батуми. Но это был, так сказать, политический фон. В основном же в ней рассказывалось о том, как Хозяина скрывал от полиции абхазский крестьянин Хаким Шмырба.

– Скажи, Нестор, зачем тебе это? – первым же делом поинтересовался я у Лакобы, едва только он преподнёс мне один из сигнальных (или авторских, уже не помню) экземпляров. – Тебя попросили?

И я закатил глаза кверху, намекая на «отправителя».

– Ну, что ты! – улыбнулся Нестор. Хитро, так, улыбнулся. – Хозяин не терпит грубого подхалимажа. Так, что это – инициатива с мест.

– А как ты объяснишь такое предисловие? – не отставал я, намекая на характер пролога, больше похожий на панегирик.

– Объясню важностью мероприятия! – как-то сразу перестал улыбаться «соавтор». – Значимостью его для судьбы республики!

Под республикой Лакоба понимал, естественно, не всю Грузию, а только Абхазскую АССР. Услышав ответ, я больше не стал задавать вопросов: и так всё было ясно. Лакоба заручался добрым отношением Хозяина, но исключительно в интересах своей республики. Превознося Хозяина, он тем самым, превозносил и свою маленькую Родину. Ведь к сбережению будущего Хозяина для нужд великой страны оказался причастен не кто-либо иной, а его соплеменник, представитель малого народа и маленькой страны. А чувства национальной гордости у последних хватило бы на все великие страны и народы, вместе взятые!

У Нестора это чувство всегда было приоритетным, подчас затмевая собой все остальные. Не побоюсь обвинений в клевете, но Лакоба был откровенным националистом. И больше всего он защищался не от русских, а от грузин. Очень, уж, ему не нравилась политика «грузинизации» или «огрузинивания» родной Абхазии. Этот человек был твёрдо убеждён в том, что Абхазия – для абхазцев. Нет, он никого не выгонял и не ущемлял, но ключевые посты при нём занимали только «коренные». Возможно, он был прав, но действовать ему следовало, не как тому слону в посудной лавке.

А Нестор был избыточно горячим и прямолинейным для положительного решения такой деликатной проблемы, как «небольшой суверенитет малых территорий внутри большой страны».

Но сейчас – не об этом. О Несторе и его предисловии я вспомнил исключительно в контексте обвинений в свой адрес. Ну, тех самых – насчёт авторства. Как я уже сказал, некоторые товарищи решили не отставать по части здравиц: поветрие было такое. Да и об интересах республики не мешало позаботиться. Вот они и подготовили солидный материал, в разных

вариантах названия которого поминалось имя Хозяина. Обеспечение труда документами взял на себя Эрнест Бедия, а «литературную запись» осуществил ректор Тифлисского университета Малакия Торошелидзе при деятельном участии Петре Шария. Следствие как-то «обнесло» Петре наградой, но он, таки, участвовал: мне ли не знать?!

Ознакомить вождя с черновиком труда попросили меня. Подчёркиваю: именно попросили. Я не производил «отъём рукописи». Товарищи верно рассчитали, что вопрос – деликатный, ведь не всякий труд получал, так сказать, «путёвку в жизнь». Я и без Лакобы уже знал, что Хозяину не нравилась грубая лесть, тем более, не основанная на историческом фундаменте. Так, что, от подхода к Хозяину судьба книги зависела не меньше, чем от мастерства авторов.

И вот, в один из приездов Хозяина в отпуск я напросился к нему с визитом, а заодно и с макетом. Вождь прочитал книгу быстро. Можно сказать, проглотил в один присест. Я впервые видел, как целая страница «съедалась» за пару секунд. Не «пробегалась», а именно усваивалась: разбирая недостатки, Хозяин наизусть цитировал абзацы в пятнадцать строк, «убивая» меня не только искусством быстрого чтения, но и феноменальной памятью. Наконец, он оторвал взгляд от книги, и вернул его на меня. Пока он молчал, я успел пару раз побледнеть и столько же – изойти потом. Даже моя тогдашняя субтильность не помешала мне в этом.

Наконец, Хозяин качнул головой, и, как мне показалось, не то утвердительно, не то уважительно. По счастью, это мне не показалось.

– Солидная работа, – «приговорил» вождь. – Нужная и полезная. Только название «подгуляло». «Сталин и Красная Армия», «Сталин и Хашим», «Сталин и Закавказье». Того и гляди, появятся «монументальные труды» «Сталин и мировая революция», «Сталин и остальной мир»! Сколько можно?!

Ожидавшийся мной выброс негатива состоялся. По счастью, не по той причине, по какой ожидался. Но разошёлся Хозяин не на шутку. Правда, и ненадолго. С набором опыта разнообразного общения с вождём, я уже как-то начал привыкать к тому, что за разрядкой всегда наступал покой.

Ну, как это бывает в природе, когда после ливня с громом и молнией на небе появляется солнце, унимается ветер – и наступает благодатная тишина.

В части проявления характера вождь «на все сто» соответствовал природе. Поэтому уже спустя минуту от «сброса эмоций» он был прежним: невозмутимым и даже благодушным.

– Не надо сужать вопрос, товарищ Берия. Не надо ограничивать историю революционного движения личностью одного человека. Она, история – намного богаче и многообразнее. Да и сама работа выполнена именно в таком ключе. В нужном ключе. Поэтому и название должно соответствовать. Ну, как та форма – содержанию. Поэтому оно должно быть масштабнее и академичнее.

Хозяин задумался.

– «История большевистских организаций Закавказья». Как Вам такое название?

Я не успел ответить, а вождь уже корректировал самого себя.

– Пожалуй, лучше будет: «К истории большевистских организаций Закавказья». Даже не так: «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Почем так скромно? Да, потому, что это – первый опыт подобной работы. Так, сказать, проба пера. Из этой книги читатель получает лишь первое, общее представление о том времени, которое вызвало к жизни большевиков, и о той работе, которую они провели в Закавказье. Это ещё не история: это – опыт истории. Исторический очерк. А полновесную «Историю большевизма в Закавказье» ещё только предстоит написать. Вы не согласны?

Даже если бы я был не согласен… Но я был согласен, о чём так прямо и заявил вождю. Хозяин улыбнулся.

– Хотелось бы поговорить с Торошелидзе. Я его когда-то знал по Тифлису. Нельзя ли его как-нибудь пригласить сюда?

– Можно.

И я рывком поднялся из-за стола.

– ??? – молниеносно отреагировал Хозяин одними глазами.

– Он здесь, батоно.

– Пригласите его, и оставьте нас наедине. До свидания.

Я вышел в предбанник, где меня дожидался бледный, как полотно, Малакия. В этот раз я впервые убедился в том, что муки творчества – ещё не самые большие.

– Малакия, Он хочет видеть Вас.

Бедный Торошелидзе вздрогнул всем телом, и, опустив плечи, побрёл в гостиную, как на эшафот. Отсутствовал он минут десять: Хозяин не тратил время даром и на старых знакомых, даже на отдыхе. Наконец, Малакия вернулся. В отличие от «того» Малакии, на котором не было лица, на «этом» оно было. Только я не смог идентифицировать все его составляющие. Там было всё, в диапазоне от радости до разочарования.

– Ну, и что? – не выдержал я, так как Торошелидзе молчал, как пень.

– Одобрил… под новым названием.

И Малакия «извлёк» из-за спины макет книги. Прощаться с Хозяином уже не было необходимости: он ведь сказал мне «До свидания», да и других ходоков набежало. Поэтому мы с Торошелидзе сразу отправились в Тифлис. Книгу сдали в набор, подписали к печати, и увидел я её уже сигнальным экземпляром у себя на столе. Не скажу, что удивлению моему не было границ: скажу лишь, что оно было, это удивление. Ведь на обложке стояло моё имя. Нет, не в названии, не пугайтесь: в качестве автора.

Я немедленно вызвонил к себе Торошелидзе. Когда он вошёл в кабинет, как всегда, робкий и с очами долу, я бросил книгу на стол.

– Малакия, как прикажете это понимать?

А он только пожимает плечами.

Я не выдержал:

– Ну-ка, выкладывайте, что Вам сказал Хозяин?

Торошелидзе вздохнул.

– Сказал, что книга – хорошая, нужная, на основе подлинных документов. И что написана она хорошим литературным языком. Но в ней есть два недостатка: один – название, другой – фамилия автора.

– …

Это у меня отвисла челюсть, и я остался без текста. Впрочем, я всё сказал глазами. Но – Хозяин?! Так «размазать» человека – интеллигентно,

с юмором, деликатно – мог только он!

Малакия ещё ниже опустил голову: «прочитал мой вопрос».

– Вождь сказал, что книга эта должна иметь политический резонанс. И в обеспечение этого резонанса будет целесообразно, если она выйдет под авторством Первого секретаря. А с меня, мол, не убудет.

Теперь уже вздохнул я: в словах Хозяина заключалась сермяжная правда жизни. Это действительно был тот случай, когда следовало наступить на горло собственной песне. Но на душе легче от этого не стало, у не у Малакии, а у меня. Ведь, если Малакия наступал на горло собственной песне, то я наступал на горло им обоим. Никогда ещё я не оказывался причастным к самозванству, пусть даже и не своим хотением.

Прошу только не считать меня праведником. Как и многие мои коллеги по руководству, я не стеснялся озвучивать доклады, написанные не мной, а, как говорят в Америке, «спичрайтерами». Не стеснялся и не испытывал по этому поводу никаких комплексов: это ведь были доклады ЦК, а не лично Берии, Лаврентия Павловича. Потому что отчитывался я

не только за себя, но и за всех остальных. Даже в тех случаях, когда отчитывался только за свою работу, а все остальные присутствовали в формате «и мы пахали».

Но этот случай был… не тот. Это был авторский труд, а не доклад анонимного спичрайтера. Да и перед Торошелидзе было неловко: я знал Малакию не один год, и питал к этому человеку искреннюю симпатию. Но что теперь можно было сделать? Для того, что отыграть ситуацию назад, следовало быть либо безумцем, либо дураком! А мы с Торошелидзе не относились ни к тем, ни к другим. Ни он, ни я не являлись людьми не от мира сего. Мы были «тутошние». Поэтому нам оставалось… лишь оставить всё, как есть. Всё, что я мог сделать, это отказаться от гонорара в фонд пятилетки. Ну, а Малакию я изыскал возможность премировать «по другой линии». Я просто обязан был хоть как-то «снять камень» и «замазать грех», пусть и не совершённый мной, а лишь «записанный на меня».

15 марта 1935 года в «Правде» был опубликован Указ ЦИК СССР о награждении Абхазской ССР орденом Ленина. Ордена Ленина удостоили и Нестора Аполлоновича Лакобу. Нестор не просто радовался – он был горд за себя и за Абхазию. Но ещё больше он гордился тем фактом, что высшей награды Абхазия удостоилась раньше Грузии. Я без задних мыслей и «камня за пазухой» поздравил хорошего человека с заслуженной наградой. Да и почему бы мне его не поздравить? Ведь это была не только его награда, но и отчасти моя, как первого руководителя всего Закавказья.

Что же до Грузии, то я не завидовал Нестору. Что-то подсказывало мне, что и наш орден – не за горами. Да, что, там, «что-то»: за это говорили наши показатели. По многим из них Грузия выходила на первое место среди всех республики Закавказья. Так, что наш орден уже «был в дороге».

И я не ошибся: уже в следующем году, на пятнадцатилетие Грузии, Знамя республики украсил заслуженный орден Ленина. Я подчёркиваю: не «юбилейный», а именно заслуженный. Тогда же ордена Ленина был удостоен и я. Его мне вручили в один день с Лакобой. Не скажу, что это обстоятельство сильно обрадовало Нестора Аполлоновича. Думаю, что по двум причинам. Во-первых, Грузия быстро «догнала по регалиям» Абхазию. Во-вторых, Лакоба предпочёл бы раздельное награждение. Он явно считал, что его пригласили так, как приглашают на свадьбу бедных родственников: из жалости. Он чувствовал себя не просто чужим на празднике жизни, как сказал бы Остап Бендер. Он находился рядом со мной, как на чужом празднике.

Честно говоря, мне было обидно. Я ведь ему не завидовал. Больше того, именно ЦИК республики, ЦК партии и Заккрайбюро – проще, говоря, я – ходатайствовали о награждении Лакобы в тридцать пятом после Указа с орденом Ленина. Я не понимал, почему в Москве тянут с вручением, но зато видел, как болезненно переживает Нестор эту заминку. Он вообще был человеком нервическим и ранимым. И в декабре 1935 года ЦИК СССР «изыскал резервы», и Нестора Аполлоновича наградили орденом Красного Знамени. Пусть даже это награждение было за «дела давно минувших дней, предание старины глубокой», зато орден вручили оперативно: сразу. Так сказать, «заполнили паузу» с вручением ордена Ленина. А Хозяин даже расщедрился на именной подарок: даровал Нестору свою фотографию с трубкой и надписью «Товарищу и другу Лакобе от Сталина. 7.12.35». И мужик немного успокоился.

После этого я никак не мог подумать, что наше одновременное «декорирование» он воспримет как «ложку дёгтя» и даже плевок. Как говорится, «вот и делай людям добро»! Хотя, мне кажется, всё к тому и шло. Выдвигая меня на партийную работу, Лакоба, вероятно, рассчитывал на то, что наши отношения с ним будут строиться по принципу «старший брат – младший брат». «Старший», естественно – он. То есть, мне заранее отводилась роль человека, который обречён на перманентное совершение ошибок – и перманентное же обращение за помощью к «старшему брату». Было в Несторе такое менторское начало: всех «научать жизни и светлому пути». Нет, он был человеком бескорыстной и щедрой души, и протекцию оказывал без даль-

него прицела. Просто он не мог думать иначе: я – начинающий партработник, он же на этом деле «съел собаку», и не одну, а «всех в округе».

Но, когда он увидел, насколько круто я взялся за дело и за людей, и когда он увидел, что это начало приносить не только жалобы на меня, но и результаты, его отношение стало меняться. Его отношение ко мне. Проще говоря, он стал ревновать меня к успеху. Раньше он считал себя единственным светочем Закавказья и непререкаемым авторитетом для Москвы по всем нашим делам. И вдруг какой-то мальчишка начинает составлять ему конкуренцию! Ну, это он так думал, а я не конкурировал с ним: я работал. Но, попробуй переубедить убеждённого, особенно после того, как он заметил, что ко мне стали уже прислушиваться и в Москве!

Так что, началось это, как говорится, «не сегодня и даже не вчера». А тут ещё местные товарищи поддержали не лучшее начинание Москвы, и через трудовой коллектив продавили решение о присвоении Тифлисскому ремонтному заводу имени Берии. Повторяю: это была общая практика, не с меня это началось, и не мной закончилось. На чём только не стояло имя Хозяина и его ближайших соратников: Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Кирова! Да на Кавказе я не был «первооткрывателем»: тот же Микоян давно меня обскакал. Но для Нестора это присвоение было, как красная тряпка для быка. Хотя и он сам не был «безгрешен» по этой части.

Честно скажу: мне это «поминание всуе» было ни к чему. И не потому, что – такой скромняга. Но я считал и считаю, что коммунистам негоже уподобляться древнеримским императорам и египетским фараонам. После смерти – пожалуйста, если потомкам будет угодно! Но при жизни – ни-ни! Иначе чего стоят все эти разговоры о партийной скромности?!

Я, конечно, в курсе «исторических традиций» и «всего такого». Так повелось ещё с Троцкого, которому оказалось мало Гатчины и Юзовки, и он ещё и на Царицын покушался со своим псевдонимом! И я, конечно, помню слова Хозяина, сказанные писателю Лиону Фейхтвангеру в ответ на замечание об избытке портретов «человека с усами»: «У нас и любят, и ненавидят до самозабвения!». За точность не ручаюсь – нет под рукой первоисточника для сверки – но по смыслу верно.

Может, и так. Может, и прав Хозяин. Ведь, чем ниже культура общества, чем неразвитее его самосознание, тем больший восторг вызывает самоуничижение перед лицом кумира. Возможно, именно поэтому у нас, куда ни плюнь, обязательно попадёшь в именной город, в именную улицу, в именной завод. И бороться с этим нет никакой возможности: как говорится, «не поймут». Точнее, поймут, но совсем не так, как тебе хотелось бы. Да ещё с оргвыводом. А, может, и с «оргвыносом». Словом, классическая ситуация, когда «плетью обуха не перешибёшь».

Во всяком случае, убедившись в бесполезности, а то и чреватости, я не стал ни «перешибать», ни «идти против течения». Вместо этого я «поплыл по течению» – и с конца тридцать четвёртого имя Берии полезло на все свободные (или освобождающиеся) вывески. Так, следом за Тифлисским ремонтным заводом, имени Берии удостоились Тифлисский и Бакинский вагоноремонтные заводы, Агаринский сахарный, драмтеатр в Поти, школы, колхозы, совхозы. Даже Ереванская площадь столицы Грузии – и та стала Бериевская!

С тридцать пятого года портреты Берии в газетах Закавказья – обычное дело. Я поначалу выговаривал редакторам, а затем плюнул на это дело: ведь «у нас и любят, и ненавидят до самозабвения»! Кроме того, подхалимы всегда имели на руках «убойный козырь»: «народ требует»! Всё чин чином: протокол общего собрания, единогласное «за», ходатайство в партком, ходатайство в райком, ходатайство в ЦК, ходатайство в ЦИК! Да и Москва благосклонно кивала головой: вожди на местах рассматривались там, как стержни, как арматура общества и политики ЦК ВКП (б). Так, что никто не выступал против «маленького культа маленьких вождей».

Поэтому к своему пятнадцатилетию Грузия подошла «под мудрым руководством своего испытанного вождя, верного соратника великого Сталина – товарища Берии». Под «таким соусом» нам с ней – мне и Грузии – просто нельзя было не дать по ордену. Только и к ордену, и к дифирамбам я относился «философически». Потому что человеку с головой нельзя иначе. Если, конечно, он хочет и дальше носить эту голову на плечах. Ибо, как глянешь вокруг – «иных уж нет, а те далече»! А все были такие «члены», «соратники» и «орденоносцы», что дальше некуда! А, оказалось, есть, куда, и много дальше! Много дальше самого Магадана! Вот она – сермяжная правда жизни…

Глава восьмая

В такой ситуации – и из неё тоже – есть только один выход: работа. Работа до седьмого пота и кровавых мозолей, и не всегда чужих! Конечно, отчасти я согласен с установкой «Сначала ты работаешь на авторитет, а потом авторитет работает на тебя». Только не надо её абсолютизировать. Заиметь авторитет у Хозяина так же просто, как и потерять его. И ни интригами, ни «облизыванием монаршего зада» его не укрепишь – только делами.

Поэтому мне смешно – и, вместе с тем, обидно – слышать от Руденко вольный пересказ «ветеранистой» байки о том, как «этот беспринципный интриган, злодей Берия втирался в доверие к вождю». Я имею в виду ту, двадцатилетней давности, историю с «выстрелами в сторону катера с вождём на борту». Казалось бы, ещё тогда из этой истории выжали всё, до последней капли. Но нет: снова вытащили из архива, «стряхнули пыль» – и «обряжают в состав преступления». И преступления не того, кто произвёл эти злополучные выстрелы: преступления «негодяя Берии»!

Якобы Берия инсценировал покушение на вождя с тем, чтобы «мужественно заслонить его своей грудью». Прямо не Берия, а Генрих Гиммлер! С той лишь разницей, что тот «заслонил фюрера» от холостого патрона. Но в нашем-то случае стреляли боевыми! Зачем же делать из Берии дурака?! Получается, что я «имитировал» покушение с боевыми патронами, да ещё с огнём на поражение! Это, что: я должен был заслонить вождя от настоящей пули?! Значит, его спасти, а самому «крякнуться»… из карьерных соображений?! Ну-у, «граждане народные заседатели»! Ладно, Москаленко. Что с него возьмёшь: «ать-два, левой!». «Унтер Пришибеев» – он и есть «унтер Пришибеев»! Но Руденко-то, профессиональный юрист – куда?!

Нет, конечно, дыма без огня не бывает. «Огонь» был и в том случае, и не только ружейный. Но его функции «исполнял» обычный бардак. Хозяину внезапно захотелось совершить «променад» по морю. Охрана и принимающая сторона не успели «пополнить» заявку на прохождение судов в погранзоне ещё и этим прогулочным катером. Ну, вот, приспичило Хозяину! Обойти зону погранзаставы «Пицунда» нет никакой возможности: это, так сказать, наш «караванный путь». Ну, и естественно: как только катер оказался в зоне, пограничники сверились с часами и со списком, и попросили катер пристать к берегу. Как попросили? Выстрелами, конечно! Только не в сторону катера, а в воздух! Не по носовому, не по кормовому срезу – в воздух! Кто распорядился? Тот, кому и положено: командир отделения пограничников по фамилии Лавров.

Как состоявший в свите вождя, я, разумеется, видел и слышал, что это – по нашему адресу, но не по наши души. По этой причине мне не было нужды валиться на Хозяина с воплями: «Берегись!». Тем более что я буквально на днях облачился в новую «униформу». Как говориться, была нужда пачкаться: надо беречь вверенное имущество!

Что было потом? Кстати, Хозяин, разобравшись, просил, чтобы ничего не было. Но «до Бога высоко, до царя далеко». А ещё: «государи на Руси святы, это воеводы – супостаты». Это я к тому, что, как только Хозяин убыл, из Москвы тоже кое о чём «попросили». А именно: «разобраться» с начальником оперативного сектора, а заодно и председателем ГПУ Абхазии Микеладзе. «Попросили» так настойчиво, да ещё с таким намёком на перспективы в случае неисполнения просьбы, что товарища пришлось немножко понизить в должности – для его же блага.

И вот тут он «не въехал». Полагая, что ему «шьют политику» – этому делу всегда предшествовало отстранение с понижением – Микеладзе «отошёл от генеральной линии». Вместо того чтобы придерживаться официальной версии, он «сознался» в том, что «в качестве начальника ГПУ Абхазии решил отдохнуть на берегу с женщинами, а потом увидел пограничный катер, и решил его остановить». Как начальник оперативного сектора, он имел такое право.

И, вот, «по версии номер два» стал он палить в воздух – с тем, чтобы катер пристал к берегу, и взял на борт «внеплановую группу отдыхающих».

Не сориентировавшись в обстановке, Микеладзе решил, что ему будет выгоднее пойти по статье «за бытовое разложение», чем за покушение на вождя. Струхнул малый – и вбил себе в голову, что Хозяин уже отдал распоряжение «взять диверсанта в разработку». А страх, как вы сами понимаете – основной производитель фантазий «минорного плана». Словом, нафантазировал начальник ГПУ Абхазии «на полные штаны добра». Просто не черноморский казус, а чеховская «Смерть чиновника»!

Разумеется, ни один человек в здравом уме – прежде всего, сам Хозяин, как «несостоявшаяся жертва» – не приняли всерьёз этот нелепый инцидент. Но мои «доброжелатели», воспользовался нестыковкой и тем, что Микеладзе всего лишь понизили, тут же пустили в ход байку об инсценировке, которую якобы организовал Берия. Пришлось «удовлетворить просьбу» недальновидного Микеладзе: уволить его «за моральное разложение». Ну, чтобы ему не «пришили политику», а заодно и «утолить жажду крови» «доброжелателей».

В итоге, как ни хотел я укрыть мужика от незаслуженной кары, а не смог. На него уже «положили глаз», «зачислили в штат» и «поставили на очередь на занятие вакантного места „врага“ народа». Его «состояние в резерве» было теперь лишь вопросом времени: «стоявший» был обречён на то, чтобы «состояться». К сожалению, таковы законы жанра, и совсем не детективного…

Конец тридцать шестого был омрачён концом моего старшего друга Лакобы. И пусть к тому времени сам Нестор уже не хотел быть моим другом – по соображениям, о которых я сказал выше – сам я продолжал считать его таковым. Разумеется, при этом я не идеализировал наши отношения, которых в значительной степени уже и не было. Во всяком случае, тех, прежних отношений времён двадцатых-начала тридцатых годов. Лакоба всё больше уходил не только от меня, но и в тень. В тень Хозяина. Культ вождя был ему, как нож в сердце, или как соль на раны. Хотя сам Лакоба не возражал против собственного маленького культа в рамках отдельно взятой республики. Зато каждая здравица в честь «Большого Грузина» поднимала теперь в нём «волну праведного негодования», которая на поверку оказывалась самой обыкновенной желчью от зависти к преуспеянию другого.

Нестору уже было мало ревновать к успеху меня, потому что в его глазах я был слишком мал для большой ревности. И он замахнулся на «самый верх». Нет, я не собираюсь «наводить тень на ясный день». В смысле: «клепать» на Хозяина. Но ведь слепых и глухих на партийном Олимпе не водилось. Народ видел, как «нравственные мучения» Лакобы постепенно начинают перерастать в брюзжание. И, ладно бы, в бытовое: на политической основе! Нестор заговорил о зажиме критики, о диктатуре, но не пролетариата, а одной личности, о необоснованных репрессиях, о «руке Москвы». Словом, повёл себя в духе героического корректировщика огня – того самого: «Вызываю огонь на себя!».

Только корректировщик совершает подвиг, а Нестор совершал глупость. Никто его не подсиживал, никто его не определял ни «в козлы отпущения», ни на «заклание». Не лез бы мужик на принцип, как на рожон, то до сих пор бы почивал в президиумах. Доказательство? Сколько угодно! Да, вон, хотя бы то, что «ближе всех лежит»: в том же тридцать шестом Хозяин намечал поставить Лакобу наркомом внутренних дел вместо зарвавшегося Ягоды. Увидел, что Лакоба «исходит принципиальностью», и решил направить её на доброе дело. Но Лакоба отказался. Но, хоть отказался он и в частном разговоре, а я знал об этом.

И ведь в предложении Хозяина не было ни «второго дна», ни грана коварства. Он лишь увидел, что настало время «чистить авгиевы конюшни». По части принципиальности Лакоба был для него непререкаемым авторитетом, а в последнее время Нестор и вовсе «ударился в правдоискательство». Вот, Хозяин и предложил ему «поискать правду под завалами

уголовных дел». И правильно: один из самых ответственных постов в государстве, и, как раз, «по плечу» и «по настроению».

Мне кажется, что Нестор не просто отказался, а с прицелом на какой-нибудь фортель. Что-нибудь в духе «шибко идейного революционера» – де-факто капризной барышни – вроде тех, что выкидывали в разное время Рыков, Каменев, Бухарин, Томский. Ну, тогда, когда они «становились в позу», напяливали на себя «венец мученика из мягкого заменителя тёрна» – и отказывались от должностей. Отказывались, по сути, вымогая привилегии на слова и поступки, а также иммунитет от ответственности за них. Думается, что Нестор был готов двинуть этим путём. Только ничего революционного в таком его поступке я не усматривал, потому, что ничего, кроме обиды за собственное «эго», в нём и не было бы.

Хотя некоторые объективные моменты для усугубления его состояния имели место. Так, постановлением ЦИК СССР от 17 августа 1936 года Тифлис был переименован в Тбилиси, а Сухум – в Сухуми. Никакой политики в этом решении не было: рутинная ономастика. Названия всего лишь приводились в соответствие с историческими традициями, да и «редакция» местных жителей давно уже переименовала эти города. Но Лакоба усмотрел в этом очередное проявление «грузинизации» Абхазии. Он был против «уточнения названия» Сухума, ссылаясь на то, что это вызовет нездоровые настроения в абхазском народе. Нездоровые настроения в грузинском народе, которые давно уже имели место быть по этому поводу, его как-то не интересовали.

Мнение Лакобы выслушали, но и только. Честно говоря, я сам был в числе тех, кто «и только». Политика Лакобы на автономное существование Абхазии не встречала одобрения не только в Грузии, но и в Москве. Ведь ещё наш великий Георгий Саакадзе в обоснование необходимости единства предлагал удельным князькам сломать пучок стрел. Я не сомневался в том, что Лакоба, как говорится, «спит – и видит» сначала Грузинскую федерацию, а затем и союзную республику Абхазию. Не зря же он при каждом удобном и неудобном случае напоминал о том, что Абхазия приняла российское подданство задолго до Грузии, причём, самостоятельно, а не в составе Картлинского царства!

Отказ для Нестора стал таким болезненным ещё и потому, что в тридцать шестом готовилось принятие новой Конституции. С точки зрения Лакобы – самое удобное время «подкорректировать территориально-государственное устройство Грузии». Нет, в союзном масштабе Лакоба, разумеется, не был сепаратистом. Обеими руками, сердцем, душой и всеми её фибрами он был за Союз, за Советскую власть. Только количество союзных республик он мечтал увеличить ещё на одну штуку – на Абхазию. И вдруг – такой афронт: даже столицу «будущей суверенной» Абхазии переделали на грузинский лад!

А тут ещё, буквально двумя днями после этого, в «Правде» была опубликована моя статья «Развеять в прах врагов социализма». Говорю сразу: опубликована, но не моя. Я всего лишь «подмахнул за автора». Нет, отдельные мысли там были мои – в связи с событиями, как в центре, так и у нас. «Заваривалась каша» – и отмолчаться было нельзя. Мне так прямо и намекнули из Москвы. Ну, о желательности моей статьи с твёрдо обозначенной позицией, с откровенной точкой зрения.

Просьбу о «желательности» я уважил, а, вот, насчёт «откровенной точки зрения»… Если она там и была, то, как и статья, не моя. Точнее, не вполне моя. В статье была расхожая, идеологически выдержанная точка зрения. Словом, я высказался «как все». В действительности, у меня были несколько иные взгляды. Да, я считал и считаю, что фракционерам не место в партии. Но это не значит, что им не место и в жизни тоже! Ни к чему было «городить огород» из бесчисленных заговоров, один «страшнее» другого! Товарищей «бывших» нужно было всего лишь идейно разгромить и, так сказать, «обезоружить», но «без рукоприкладства». Это ведь только загнанных лошадей пристреливают!

Не скрою: я не испытывал симпатий к Бухарину, Рыкову и прочим «вечно недовольным». В последние годы они больше говорили, чем делали. Больше работали языком, чем руками. И всё время, как капризные барышни, домогались для себя каких-то преференций или хотя бы всеобщего внимания. Но я не верил в то, что они «метили на царство»! Я не верил в то, что эти болтуны – а болтали они действительно всякое – способны на организацию заговора, тем более серьёзного, а не кухонных посиделок. Ну, вот, не способны они были на это! Они способны были только болтать! Мужики давно «вышли в тираж», их «поезд давно ушёл», но они всё ещё грезили прошлым!

Да и взглядами мы с ними не совпадали по многим параметрам. Особенно, в тех, что на индустриализацию и пятилетки. Пойди мы за ними – точно оказались бы «в жопе». И против их намерений превратить партию в дискуссионный клуб я был обеими руками. Мы ведь не парламентская Англия, и под задницами у нас не мешки с овечьей шерстью, а штыки многочисленных «заграничных друзей»! Ну, надо же было понимать Бухарину хотя бы это!

Но в одном я с ним был согласен (молча, конечно). Не следовало нам грабить и душить собственного мужика. Я, конечно, против бухаринских крайностей – в виде уклона в сторону «кулака». В этом вопросе нужна была «здоровая середина». И лёгкую промышленность тоже не надо было держать «в чёрном теле», на финансировании «по остаточному принципу». Народ бы нам за это ещё «спасибо» сказал. Убеждён, что в таком случае, число друзей Советской власти увеличилось бы значительно.

Извиняясь: опять меня «унесло течением». Так, вот, возвращаясь к Лакобе. Статья моя, не по моей вине совпавшая по срокам с переименованием, вероятно, убедила Нестора в том, что всё это – звенья одной цепи. Дескать, сначала отказали, а теперь запугивают, чтобы «помалкивал в тряпочку». Только у меня и в мыслях этого не было. У себя в автономии Лакоба был на месте. Дело он знал, команда у него работала, народ ему доверял и даже любил. Не было у меня никаких оснований, не говоря уже о желании, убирать Нестора. Я использую этот глагол без кавычек – не в «убойном» смысле, а лишь в плане освобождения от занимаемой должности.

Это – о моём восприятии Лакобы. Но сам Лакоба воспринимал себя, мне кажется, по-другому. По-моему, в его душе «сломался стержень», и он уже не хотел бороться, ни «за», ни «против». Не исключаю и того, что он ощущал себя исчерпавшим запасы жизненной энергии. Да и, пусть не сочтут это оскорблением памяти хорошего человека, слишком много сил он затратил на обслуживание собственного «я»! Во всяком случае, такого «показателя» апатии и какой-то болезненной усталости, как в тридцатом шестом, я у него прежде не наблюдал. Не было её у него!

В декабре он, как Председатель ЦИК республики, поехал в Москву на Чрезвычайный Съезд Советов, который должен был принять новую Конституцию СССР. С принятием Конституции по всей стране должны были пройти выборы депутатов Советов всех уровней. Ещё до отъезда Лакобы я сказал ему, что ЦК и крайком хотят внести его кандидатуру для избрания депутатом Верховного Совета СССР.

Скажу честно: это не было предложением ЦК. Это было моё предложение. Я хотел показать Нестору, что все его страхи насчёт меня беспочвенны. Иначе, зачем бы я сам дополнительно «вооружал» его «щитом» депутатской неприкосновенности, да ещё союзного уровня?! Но Лакоба отнёсся к моему предложению равнодушно, не скажу, что «на удивление равнодушно» – чего-то такого я ожидал – но всё равно было неприятно. На том мы и расстались.

Съезд уже принял Конституцию, Хозяин уже принял всех добивавшихся приёма, а Лакоба всё не возвращался. Пришлось его вызванивать. Никаких срочных – и несрочных тоже – дел в Москве у него не оказалось, и я попросил его вернуться домой. Мы, как раз, собирали партактив на двадцать шестое декабря. Нет, не подумайте, что по его «персональному делу». Рассматривали текущие вопросы, перспективы на следующий год – и даже устройство

новогодней ёлки для детей, по примеру Москвы. (Хозяин поделился этим со мной «по секрету», хотя об этом «секрете» знали весь ЦК и весь Совнарком).

Я-то думал, что Лакоба, «по традиции последнего времени», приедет меланхоликом, а он приехал взвинченным, весь на нервах. Всё «наложилось»: и Конституция без Абхазской ССР, и «непонимание» Хозяина, и «происки коварного Берии», который своим вызовом нанёс ему оскорбление посредством намёка на субординацию. На активе Нестор шумел, в основном, не по делу: разгружал эмоции – и всё на нас. В основном, на меня. Я не стал одёргивать его публично, но по завершению мероприятия «попросил задержаться». Разговор получился «весёлым».

– Нестор, кацо, в чём дело?

– Я тебе не кацо! – сразу же определился с понятиями Лакоба. – После того, что ты сделал со мной, я тебе не кацо!

От таких слов моя челюсть получила законное право отвиснуть, но я удержал её на месте.

– Нестор, ты мог бы ещё предъявить мне претензии за то, что я не сделал для тебя, но только не за то, что я сделал с тобой! Я, что, подсиживаю тебя? Нет! Может, я «стучу» на тебя? Нет! Собираю на тебя «компромат»? Нет! Лишаю тебя «жизненного пространства»? Нет: ты свободен на все четыре стороны! И не в смысле «Пошёл вон!», а во всех своих словах и поступках! Так, что же такого я сделал с тобой, что ты меня «вычеркнул из списков»?

– Ты создал невыносимую обстановку!

– Где?

– Везде!

По причине неопределённости – исчерпывающий ответ. Но я не стал домогаться конкретики.

– Значит, «невыносимую»?

– Да!

– И кто её не вынес? – хлестнул я иронией. – Или кого вынесли из неё?

Только напрасно я «хлестал»: Нестор, прежний шутник и балагур «номер один», казалось, напрочь лишился чувства юмора.

– Ты заменил почти всех членов ЦК!

– Не я, а съезд и пленум!

– Конечно, «съезд и пленум», когда везде – твои люди!

Несмотря на содержание ответа, я порадовался за Нестора: он даже покривил щекой. Всё – какое-то оживление.

– Не мои: советские!

– Ах, «советские»?!

Недолго щеке Лакобы было суждено кривиться в одиночестве: теперь гримасой было искажено всё лицо. Жаль, только, что гримасой негодования.

– Из шестнадцати членов ЦК Грузии, избранных в июне тридцать пятого, не осталось почти ни одного! Они, что, все антисоветские?!

– А они, что: полагали членство в ЦК пожизненной синекурой?!

Я тоже перестал улыбаться: каков привет, таков и ответ.

– Все эти бездельники и болтуны вдруг решили, что они и есть «ум, честь и совесть нашей эпохи»! Ни с того, ни с его они стали думать, что не бездельничают, а оппонируют и даже «выступают с принципиальных позиций»! А право на оппозицию надо ещё заработать!

– Ах, «заработать»?! – взвился Нестор. – И чем же?

– Делом! – «приговорил» я. – А ещё больше мозгами!

– И кто же будет «начислять трудодни»?

Нестор даже расщедрился на некое подобие ухмылки.

– Уж, не ты ли?

– Нет, не я: результат работы! Тот, который одобрит партия и народ. Ну, или хотя бы заметит! Словом, люди, для которых мы и работаем!

Некоторое время Лакоба разевал рот, уподобляясь рыбе, выброшенной из воды на берег. У него явно не находилось контрдоводов.

Наконец, один нашёлся. Правда, «не из той оперы».

– Ты всех душишь! Ты не даёшь никому дышать!

За время в работы в ЧК я как-то привык к конкретике: «кто, сколько, чего и как». С тех пор я не люблю этих «обобщений» типа «весь советский народ», «все, как один», «в единодушном порыве». «Ты всех душишь», «ты не даёшь никому дышать» – из того же «лукошка». Фамилии всех «задушенных»? Список тех, кому «трудно дышать»?

Я усмехнулся.

– Что-то не вижу я ни на одном из твоих «подзащитных» ни удавки на шее, ни камня на груди! Приведи ко мне хотя бы одного «удавленного» или страдающего «лёгочной недостаточностью» по моей вине!

Нестор опять позевал – и остался без текста. Я понял, что в таком ключе ни до чего хорошего мы не договоримся, а будем только усугублять. Поэтому я подошёл к нему, и примирительно обнял его за плечи.

– Нестор Аполлонович, не кажется тебе, что для такой беседы мы слишком трезвы? Марта Виссарионовна приглашает тебя к нам на ужин. Будет твоё любимое!

– ? – слегка оживился Лакоба.

– Жареная форель и кахетинское.

Лакоба нахмурился и опустил взгляд. Но я не собирался отступать.

– Пошли, Нестор: будет и сыто, и пьяно.

Марта Виссарионовна – это моя мама. Она постаралась на славу: обед удался – в отличие от разговора. Форель мы уели, бутылку распили, а разговор, как ни клеился, так и не склеился. Лакоба отделывался от меня односложными фразами, стараясь не встречаться со мной «лишний раз» глазами. К вечеру он уже совсем, было, собрался домой, но тут я его соблазнил театром. Давали балет, уже не помню, какой. Я не такой, уж, заядлый театрал и балетоман, но послушать хорошую музыку в хорошей компании никогда не откажусь. Да и с Лакобой мы ещё не закончили: я всё ещё не оставлял надежды хотя бы на перемирие. Надежда, как говорится, умирает последней!

Но и представление не растормошило Нестора. Весь первый акт он болезненно морщил лицо, держался то за сердце, то за живот. А в антракте он сказал мне, что его тошнит, и он идёт домой. Я предложил себя в провожатые, но услуга не была принята. На том и расстались.

Ночью, уже под утро, мне позвонили из НКВД, и сказали, что Нестор Аполлонович Лакоба только что умер. Я немедленно выехал на место. Не по долгу службы – это не входило в мои обязанности. И не для того, чтобы «заметать следы» – по причине их отсутствия. Никаких признаков рвотных масс «в районе» тела обнаружено не было. Это я – на тему более поздних измышлений об «отравлении мученика Лакобы». Присутствующий на месте врач сказал мне, что налицо – и на лице – все признаки острой сердечной недостаточности, в просторечии именуемой сердечным приступом. Кстати, вскрытие подтвердило этот предварительный диагноз. Да и без вскрытия можно было догадаться, хотя бы по запаху сердечных капель, флакончик с которыми стоял на стуле у изголовья кровати.

Но слухи – вещь неодолимая, особенно фактами. Парадокс: чем больше ты доказываешь, тем меньше тебе верят. Я, правда, и не доказывал ничего, но слушок всё равно пошёл. Занятный, такой, слушок: якобы Берия «коварно» зазвал к себе на обед ничего не подозревающего Лакобу, и «между кусками» жареной форели, от которой Лакоба не мог отказаться по причине давней симпатии к ней, «сплавил жертве отравленное вино».

Ситуация – очень похожая на ту: «с инсценировкой покушения». Значит, ели из одной тарелки, пили из одной бутылки – а одного зачислили в жертвы, а другого в отравители?! Да, что же, у меня была бутылка с двойным дном?! Или, как у шпионов – с колпачком, выполняющим функцию дозатора: повернул колпачок – вино «сдобрилось» ядом, вернул на место – пошло чистое вино?! Так, у нас, у грузин, нет колпачков, тем более, на бутылках с домашним вином! Мы – всё больше по старинке: пробками затыкаем!

Но «на каждый роток не накинешь платок»! Дальше – больше. «Оказывается», «испугавшись приезда столичной комиссии, Берия распорядился выкопать тело Лакобы, и сжечь его: «пущай, мол, теперь проверяют»! Авторы другой версии, правда, решили пощадить тело. Согласно этим сказаниям, ночью, пожелавшие остаться неизвестными, но всё равно мужественные альпинисты, спустились с гор… и героически выкрали тело Нестора Аполлоновича, чтобы сохранить его для потомков!

«Случилось» это буквально перед самым приходом святотатцев-гробокопателей. Только те за лопаты – ан, глядь: а покойничка-то и нет! Сбережён для потомков, а, может, и для будущих разоблачителей «вурдалака Берии»!

Во всей этой грузино-абхазской полународной, полулитературной сказке неясно только одно: зачем нужно было спускаться с гор, когда достаточно было войти в ворота, или, на худой конец, сигануть через забор?! Зачем такие сложности?! Я говорил это тогда – сказал и сейчас, в ответ на очередное неуклюжее обвинение Руденко. После встречных вопросов Роман Андреевич больше не возвращался к теме «злодейского умерщвления героя Лакобы негодяем Берией, с последующим святотатством означенного Берии, и пресечением оного группой анонимных героев». Закрывая тему, Руденко напоследок лишь промямлил, старательно отводя от меня глаза:

– Вопрос остаётся открытым. Оставим его для будущих поколений.

И тут я не удержался.

– Замечательные слова! Предлагаю экстраполировать их на весь этот балаган под названием «расследование преступлений Л. П. Берии»!

Руденко побагровел, и даже высунул язык, намереваясь ответить, но потом засунул его обратно. Думаю, что не только в рот. К сожалению, «пристраивание ко мне» покойничков – или меня к ним – этим не кончилось. Их мне уже примерили столько, что всех и не упомнишь, Ну, взять хотя бы «июльский случай» того же тридцать седьмого года, когда «мерзавец Берия застрелил Первого секретаря ЦК Компартии Армении товарища Ханджяна прямо по месту работы последнего»! При этом «народная молва» ссылается на некоего Короткова, члена Коллегии КПК, который якобы «видел», как из кабинета Ханджяна раздался выстрел, а Берия бросил на стол пистолет».

Сразу же возникает законный вопрос: если это действительно сделал «негодяй Берия», то почему он позволил «некоему» Короткову спокойно засвидетельствовать факт, спокойно же закончить свои проверочные дела, и также спокойно убраться восвояси?! Неувязочка получается: негодяй должен быть последовательным! И если я действительно такой, что «печати ставить негде», то я просто обязан был убрать свидетеля! А вместо этого я чуть ли не под локоток проводил его из кабинета со словами: «Нашумели мы тут, помешали Вам работать! Вы, уж, извините нас… с покойничком Ханджяном!»

Если серьёзно, то я никогда и нигде не слышал, чтобы Коротков рассказывал о чём-то подобном. Не слышал ни от самого Короткова, ни от товарищей, которые с ним были не только «тесно связаны», но и «плотно работали»… когда сам Коротков оказался далёк от того светлого образа незапятнанного большевика, с которым он нагрянул к нам для проверки. Воистину: болтают люди! Только не скажешь: «неведомо, что». Ещё, как ведомо! Недаром же это «беспристрастное следствие» хватается за любой слушок, который можно «довести до кондиции» состава преступления!

Покушение с негодными средствами – так это называется на языке уголовного права. Мне бы пожалеть их, да, вот, кто пожалеет меня?!

Глава девятая

Пятого января нового, тридцать седьмого года, меня удостоили высочайшей чести: впервые я сидел рядом с Хозяином! Не стоял – к этому уже привык не только я – а именно сидел! Случилось это в «именной» ложе Хозяина, в Большом театре, на открытии дней грузинской культуры в Москве.

Скажу без хвастовства: вождю понравилось. Нет, не то, что я сидел с ним рядом, а то, что происходило на сцене. Мои деятели не ударили в грязь лицом, но выступили ударно! Так сказать, «ударили автопробегом по бездорожью» – в смысле замшелых представлений о дикости горцев. Возможно, что эта декада в какой-то мере повлияла на решение Хозяина об упразднении Закавказского крайкома ВКП (б). На местах сразу же усмотрели в этом признак доверия вождя к республиканским кадрам, его веру в самостоятельность партийных организаций. ЦК уже не было необходимости надзирать и поправлять. В апреле этот «Мини-Коминтерн для Закавказья» приказал долго жить. Ну, а за мной оставили ЦК Грузии, дополнительно «нагрузив грузина» ещё и Тбилисским горкомом.

Я не только не испытывал чувства горечи – я был рад. Наконец-то, с меня сняли эти вериги. Одно дело, когда Закавказьем руководит инородец. Лучше всего, русский. Его трудно обвинить в симпатиях и антипатиях. Он ко всем «дышит ровно», потому что «неровно дышит» только к Москве.

Но не приведи, Господи, на его месте оказаться грузину! Даже страшно представить: грузин осуществляет функции арбитра во взаимоотношениях грузин, армян и азербайджанцев, не говоря уже о бесчисленных «малых народах и народностях!». А, ведь Господь – в лице Хозяина – «привёл», и вышло то, что называется «глаза боятся, а руки делают». Но, чего мне это стоило?! Это же – классика: «чтобы и волки сыты, и овцы целы»! У всех – национальная гордость! Чуть, что – в крик: «Покушаются! Зажимают! Грузинский шовинизм в действии!»

Взять тот же случай с Ханджяном. Да, мне приходилось не раз делать ему не только внушение, но и «втык». И не потому, что я – Берия, а он – Ханджян: работать надо было, и не языком, рассказывая байки о третировании армян! Но едва я начинал требовать от коммуниста —

не от армянина! – Ханджяна работы, как это тут же получало соответствующий ярлык! И, ладно, если бы меня обвиняли в верности принципу «я – начальник, ты – дурак»! Нет: сразу же квалифицировали это как посягательство на национальное самосознание! Сразу же гвоздили меня к «позорному столбу»! И Ханджян первым «бежал с молотком»!

Поэтому освобождение от обязанностях Первого секретаря Заккрайкома, да ещё по причине упразднения последнего, я рассматривал исключительно в одном смысле: как избавление от вериг. Теперь я мог полностью сосредоточиться на родной Грузии. Но не для того, в чём меня сейчас «уличают» и даже «изобличают». А «уличают и даже изобличают» меня в том, что всю свою энергию – злодейскую, разумеется – я направил исключительно на закрепление собственного культа и доверия Хозяина.

Якобы именно по этой причине я организовал помпезный Дом-музей Хозяина в Гори, и «зачислил на казённое довольствие» мать-старушку вождя. Насчёт матери скажу так: все старушки, достигшие пенсионного возраста, стояли на казённом довольствии. Да, матери Хозяина были предоставлены некоторые льготы – в виде переселения из хибары в дом на проспекте Руставели, а также небольшого продуктового набора. А почему бы и не предоставить ей эти льготы, собственно говоря? Или все матери-пенсионерки произвели на свет Хозяина?! К слову, мама у Хозяина была «с мухой в носу», и поэтому льготы ни в малейшей степени не изменили ни её скромного образа жизни, ни её отношения ко мне, в лучшем случае – равнодушного.

Это я к тому, чтобы разные, там, «некоторые» не намекали на то, что я пытался заручиться добрым отношением вождя через его мамашу. Заручишься через такую мамашу! Я

это знал с самого начала, поэтому и не пытался «заручаться». А насчёт льгот распорядился, чтобы мне не «пришили» обратное: «наше фэ» вождю через игнорирование насущных потребностей мамаши. Чтобы не сказали: хоть таким недостойным способом Берия решил «насолить» Хозяину! Чем не версия? У нас ведь «раненых не бросают»: добивают, не мытьём, так катаньем!

Кроме «подхалимажа», вторым основным направлением моей деятельности – вредительской, разумеется – мне определяют личное участие в репрессиях. И не просто личное: руководящее! При этом ссылаются на Кобулова и Гоглидзе, которые якобы показали, что в бытность секретарём ЦК Компартии Грузии «негодяй Берия» не только давал указания «крепко допросить», но и личным примером задавал тон! А тон он задавал посредством задавания жару! Для этих целей в столе у него – почему-то в приёмной – даже лежало орудие пытки: резиновая дубинка!

Думаю, ни у кого из людей с мозгами нет сомнений в том, какова цена этим «показаниям». Я не исключаю того, что Кобулов с Гоглидзе даже не смогли подписать эти показания в связи с «временной нетрудоспособностью» по причине избыточно «горячего интереса» следствия! А, возможно, что мужички, по наивности душевной и подписались на эту «кремлёвскую липу»: поверили обещаниям «учесть и снизойти».

Когда Руденко «огласил» эти показания – во фрагментах, конечно – я сразу же попросил «изобличить меня демонстрацией резиновой дубинки». Генеральный прокурор смутился и промямлил что-то насчёт «своего времени». Не того, которое его лично, а того, в которое меня ознакомят с этой дубинкой – и «прямо по голове». Так сказать, «Узнаёте ли Вы дубинку, которой лично пытали честных советских граждан в застенках своего кабинета Первого секретаря ЦК?»

Получив один отказ, я немедленно обратился за вторым: попросил очной ставки с «изобличителями». Руденко и тут не задержался с отказом, но на этот раз «честно» мотивировав его тем, что Кобулов с Гоглидзе дружно занемогли по причине лёгкого простудного заболевания. Я решил не настаивать, позволив себе лишь вслух усомниться в том, что заболевание было «лёгким» и «простудным». Наверняка, мужички после «чистосердечного признания» неделю не вставали с нар, а при мочеиспускании окропляли тюремную парашу исключительно красненьким.

Тогда, в обоснование моего «участия в избиениях и пытках», мне было заявлено о том, что при проверке трёхсот дел в архиве МВД Грузии обнаружено сто двадцать резолюций Берии. Все – как те «два молодца, одинаковых с лица»: «крепко излупить Жужанава», «всех проходящих по делу арестовать», «основательно допросить», «взять крепко в работу», «выжать всё»!

Я – опять же по наивности душевной – попросил Руденко немедленно изобличить меня хотя бы одной резолюцией! Хотя бы в фотокопии! И Роман Андреевич на этот раз заверил меня в том, что моя просьба будет удовлетворена… при ознакомлении с материалами дела… если таковое состоится. После этих слов я как-то «сразу поумнел» и больше не настаивал на своих правах обвиняемого… Нет, вру: не «больше не настаивал», а всего лишь «долгое время не настаивал». Ну, вот такой я оказался «неадекватный» – с позиции обвинения.

К слову – насчёт обвинения и «долгого времени». Долгое время мне вообще не предъявляли никакого обвинения, кроме того постановления от 29 июня «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». В Президиуме ЦК наверняка решили, что для начала и этого, как говорится, «за глаза». Но потом, видимо, «социалистическое правосознание» взяло верх над желанием «прислонить меня к стенке» ударными темпами, и по истечении всех установленных законом сроков мне, наконец, предъявили обвинение.

По содержанию оно, правда, ничем не отличалось от того партийного документа, зато было оформлено на бланке постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В нём даже

содержалась графа «признаёте ли вы себя виновным: полностью, частично, не признаю – нужное подчеркнуть». После того, как я не признал себя даже частично – и «подчеркнул нужное» – очень сомнительно, что этот документ будет приобщён к делу. Скорее всего, его заменят «дубликатом» – от моего имени, но без моего поручения.

Но – «назад в русло»: к перечню обвинений. Некоторые резолюции я действительно припоминаю, разумеется, числом на порядок меньше. Только что криминального содержится в строках «основательно допросить», «выжать всё»?! Разве установление истины не есть задача следствия и надзирающих органов? Тут уже, волей-неволей, скажешь: «Все так делают!». Это стандартная практика! Убеждён, что и на демократичнейшем Западе каждая вторая резолюция – такая же! Ах, я – не прокурор? Ладно, но я и не «мимо тут проходил», и не «покурить вышел»! Я – Первый секретарь ЦК, представляющий «руководящую и направляющую»! Мне сам Бог – через Устав партии – велел этим заниматься! И разве я не имею права требовать установления истины?!

Ах, вам не нравятся формулировки?! А мне, что, следовало начертать примерно так: «Попросите аудиенции у товарища Жужанава, и, если таковая будет получена, нижайше поинтересуйтесь, не соблаговолит ли он ответить на некоторые вопросы следствия. В случае неприемлемости вопрос снять!» Так, что ли?!

Что же касается Жужанавы… Да, я припоминаю резолюцию по его адресу: «Крепко излупить Жужанава!». Согласен: напрасно я обратился за содействием к товарищам. Надо было самому набить морду этому негодяю! Ведь он замахнулся на всю партию… в моём лице! Если бы вы только знали, сколько крови он попил из меня – и, ладно бы, по делу и на дело! Я и сейчас не сомневаюсь в том, что он «заваливал работу» не столько по глупости, сколько «из принципиальных соображений: как идейный противник диктатуры Берии». И других к тому же подбивал – голову за это кладу! Ну, ладно, я не нравлюсь тебе – готов пострадать за это. Но почему должно страдать дело?! Отсюда – зря я написал эту резолюцию! Надо было вызвать «эту Жужанаву» к себе, запереть за ним двери и «по-мужски» объяснить ему, «что такое хорошо, и что такое плохо! В этом контексте я раскаиваюсь за резолюцию. Но только в этом!

А, вот, речью на февральско-мартовском Пленуме ЦК тридцать седьмого года не надо меня «изобличать». Напротив, это я изобличу следствие. Как минимум, уличу в неточности формата «вали кулём – потом разберём». Я даже не буду прятаться за слова о том, что «время было такое», что «все так делали». Признаю: да, я выступил в прениях на том пленуме. Я сказал – цитирую дословно: «Мы разоблачили 7 членов ЦК КП Грузии и 2 членов Тбилисского горкома, а в 1936 году мы арестовали 1050 троцкистов-зиновьевцев».

Как видите, я привёл цифры, и цифры эти не совпадают с тем, что на меня «валят кулём»! Ведь мне сейчас «инкриминируют с запасом»: 15 членов ЦК вместо 7! То есть, идут неверной дорожкой Нестора Лакобы: тот, помнится, тоже клеймил меня этой цифрой. Так, вот, я хочу спросить: ну, и что? Ну, семь! Семеро членов партии, изобличённых как троцкисты! Они и сами не отрицали приверженности, даже без «профилактической работы среди них». По логике того времени – тягчайшее преступление и законное основание для привлечения к ответственности, и не только партийной.

Логикой настоящего не измерить логики прошлого. Прошлое надо не судить, а изучать. Изучать для того, чтобы понять и учиться, как на достижениях, так и на ошибках. Но мои «судьи» – из вчерашних дружков – явно не мучатся такими проблемами. И, если они и имеют какую-то логику, то лишь свою собственную. Ту, что диктуется потребностями борьбы за власть. Только к «восстановлению социалистической законности» эта «логика» не имеет никакого отношения: «кто смел, тот и съел!». И «съел» своего товарища, с которым, как говорится, «не один год – из одного котелка, и под одной шинелькой».

На днях мне в очередной раз предъявили «мартиролог»: список «моих жертв». На одном из первых мест в нём – Папулия Орджоникидзе. Оглашая эту фамилию, Руденко сделал круглые глаза:

– Как Вы могли замахнуться на брата самого товарища Серго?!

Я, разумеется, не стал отмалчиваться, потому что теперь настала моя очередь делать круглые глаза.

– А, он, что, – говорю, – «священная корова»?! Пардон: неприкосновенная личность? Или у нас для рядовых граждан – один закон, для «брата самого товарища N» – другой? Как это Вы ещё не сказали: «Самих брата Самих товарища Серго»?! Были представлены неопровержимые доказательства вредительской деятельности Папулии: свидетельские показания, вещественные доказательства, показания самого обвиняемого. Мне, что, нужно было распорядиться уничтожить их, потому что это – «брат самого товарища Серго»?! Эти доказательства были предъявлены и комиссии из Москвы, и самому Орджоникидзе-старшему.

Ни одно из них не было опровергнуто, а крики Серго «Не верю!» при всём желании нельзя рассматривать, как доказательство невиновности. Серго просил меня не пороть горячку, и разобраться во всём, как следует. О том же меня попросил и Хозяин. Я обещал им обоим, и, в свою очередь, попросил следствие не торопиться с выводами. И мы данное слово сдержали: дело Папулии далеко не сразу было передано в суд. Серго умер – застрелился, как потом мне сказал Хозяин – восемнадцатого февраля, а Папулия был осуждён только девятого ноября! То есть, мы тянули в расчёте на то, что в деле появится хоть что-то, реабилитирующее Папулию хотя бы в части обвинений! Пусть даже не «что-то»: хотя бы надежда на появление этого «чего-то»! Но ничего не появилось – на то оно и ничего. Ну, вот, не из чего было появляться «чему-то»! А шуточная задачка «Что такое ничего, и как из него сделать что-то?» – дело физиков-ядерщиков, да и то дело на тот момент было делом весьма отдалённого будущего…

Конечно, если рассматривать вопрос репрессий с позиций абстрактного гуманизма, то меня гуманистом никак не назовёшь! Но тут же возникает классический вопрос: «а судьи кто?». Недаром же ещё Христос сказал: «Пусть бросит первым камень тот, кто сам безгрешен!». Сейчас слово «репрессии» приобретает какой-то нездоровый оттенок. Прошу только не «хохотаться» по поводу того, что, какое, мол, здоровье может быть в репрессиях! Я не об этом, а о том, что слово это начинают использовать, как страшилку, как «бабайку», которым запугивают, правда, не детей, а взрослых.

Но, самое неприятное, что это слово это используется отныне для того, чтобы «глушить» соперников в борьбе за власть. Думаю, что тенденция будет только нарастать. И уже в самом ближайшем будущем её последствия ощутят на себе многие из моих теперешних «судей». Воистину: «Не судите да не судимы будете!». Я не Нострадамус – я просто знаю логику борьбы.

А ещё я знаю своих «дружков», век бы их не знать! Потому что, как тут не вспомнить Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»…

Глава десятая

Наступил год тридцать восьмой, и не только «для», но и «на»: для большинства, но на некоторых. Больно наступил на этих «некоторых». На многих из них «наступил» ещё тридцать седьмой. Вернее, тот начал тогда наступать, а тридцать восьмой развернул «генеральное наступление». Развернул, потому, что «развернулся» сам «генерал» – нарком внутренних дел Ежов, Николай Иванович. И не столько «развернулся», сколько «разошёлся»: «раззудись, рука, развернись плечо!». Всё – в точном соответствии с установкой: «Коль ругнуть, так сгоряча, коль рубнуть, так уж сплеча!»

Товарищ явно перестарался, и это стало понятно даже ему. Парадокс: как человек, Николай Иванович был совсем даже не злой. Можно даже сказать, неплохой был человек: добродушный, мягкий, обходительный, интеллигентный, начитанный. И начитанный не только доносами, но и по линии «гражданской» литературы. Его «штатский» образ совсем не вязался с теми «ежовыми рукавицами», в которые облачили его. Возможно, именно этого противоречия вынести он не мог (пардон, Остап, за заимствование!) – и обратился за содействием… нет, не к друзьям, и не к врачам: к лекарству! К единственному и универсальному для всех случаев лекарству русского человека: к водке! Пил он её «по-чёрному»: и в значении «много», и в значении «сам на сам». О таком характере потребления интеллигентные люди говорят не «пил», а «глушил»!

Я знал его и в дозапойные времена, когда он «сидел на кадрах в ЦК», и в запойные, и в постзапойные. Его всё более крепнущая верность алкоголю не влияла на моё мнение о нём. А оно было такое: рубя головы, мужик рубил сук не по плечу, пусть даже этих сук было не на одно плечо. Нет, никакого намёка на исход по принципу «мавр сделал своё дело, мавр может уходить»! Человека переоценили, и эта переоценка заставила его переоценить себя, и не в лучшую сторону. Николай Иванович предал забвению наказ Владимира Ильича: «Лучше меньше, да лучше», переиначив его на свой лад: «Чем больше, тем лучше».

Но «много» не всегда значит «хорошо». Товарищу бы остановиться да оглядеться по сторонам: не много ли лесу нарублено, не много ли щепок полетело? Вместо этого он ударился в подражательство Малюте, а то и самому Ивану Васильевичу. Какое-то время товарищ искренно верил в то, что творит добро. Как минимум, добро для большинства – через причинение зла всем прочим.

Но, как известно, ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. И, мало ли, что Ежов нешутейно верил в свою миссию. Я вполне допускаю, что он хотел, как лучше, но ведь получилось, как всегда. Потому, что «заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт!». К сожалению, в роли дурака нередко оказываются и умники. И не потому, что судьбу не перехитришь. А потому… Чёрт меня побери, если я сам знаю, почему! Я не считал и не считаю Ежова ни извергом, ни дураком! И марионеткой в руках Хозяина он тоже не был. А то сейчас пошли уже намёки на то, что всё мы: и Ягода, и Ежов, и Берия выполняли, так сказать, «социальный заказ», а в роли социума выступило Одно Высокопоставленное Лицо. То самое, которое сейчас мне рекомендуют зашифровывать словами «Высшая Инстанция».

Думаю, что Ежов просто оказался не на своём месте. В итоге: «лихая им досталась доля». Это я – о Ежове и его соратниках. Но, окажись на месте Ежова тот же Лакоба, и ему пришлось бы шагать по головам. Потому что задачу ставил даже не Хозяин: задачу ставило время. Другой вопрос, что даже по головам можно ходить «по азимуту», а не напропалую, как Саврас без узды! Лакоба сориентировался бы в обстановке, да и здравицы в свою честь потреблял бы в меру и избирательно. То есть, головокружения от успехов «по линии усекновения голов» с ним бы точно не случилось!

Думаю, что его не пришлось бы не только нагружать душами, но даже освобождать от занимаемой должности. Дело ведь можно и делать, и не делать по-разному. К сожалению, Николай Иванович не умел ни того, ни другого. Он оказался лишь мастером по части «ломки дров».

И я вполне понимаю Хозяина, когда тот решился «освободить» Николая Ивановича, а заодно и освободиться от него. То, что Ежов успел «посыпать голову пеплом» через письмо в ЦК с просьбой об освобождении, уже не имело решающего значения. Решающее значение имело лишь то, что ситуацию нужно было выправлять, а параллельно с назначением нового «душителя свободы» определять и «козла отпущения». Николай Иванович оказался не только единственной достойной, но и просто единственной кандидатурой «в козлы»: «по делам вашим судимы будете». И не надо «лепить горбатого» о том, что Хозяин списал на Ежова свои грехи. Напротив, часть «ежовых» грехов с Николая Ивановича сняли, и переложили на плечи других, «менее нагруженных товарищей».

Почему я так подробно останавливаюсь на этом вопросе? «Элементарно, Ватсон»: «у кого, что болит, тот о том и говорит». Ведь в очередные «свободы, гения и славы палачи» определили не кого иного, как вашего покорного слугу. Честно говоря, не ожидал я этого… от Хозяина. Ничего, вроде не предвещало «беды»: республика давала план – и промышленный, и по улову «врагов народа». Я настолько крепко держался за переходящее Красное Знамя, что у него не было никаких шансов перейти к кому-то другому. В Москве меня ценили как крепкого «товарища на местах». При самом пиковом раскладе я мог угодить, разве, что в заведующие Отделом ЦК. Тем паче, что с тридцать четвёртого, с Семнадцатого съезда, я уже пребывал членом ЦК, куда меня избрали, минуя кандидатскую ступень. Раз, уж, зашёл разговор об этом, то «сознаюсь», что протекцию мне оказали Орджоникидзе, Киров, Лакоба и Микоян. Оказали не только соло, но и «хором»! Намёк понятен? Ну, как же: такие разные – а «негодяй Берия» сумел «показаться» всем! Хотя можно и иначе: такие разные – и все ошиблись совершенно одинаково! А так ведь не бывает!

Но вернёмся «в канву». Так, вот: даже намёка не было на такую перемену в моей судьбе. Напротив, как теперь говорят, «в кулуарах активно муссировались слухи» о предстоящем назначении на должность наркома внутренних дел лётчика Чкалова. Признаюсь, меня удивлял такой выбор. Я несколько раз встречался с Чкаловым, ценил его, как прямого, открытого человека, который «правду-матку режет в глаза», ни жалея ни глаз, ни их хозяина. Авторитет его в стране был огромен. Да, что, там, в стране: сам Хозяин покровительствовал ему! Именно покровительствовал: Валерий Павлович был отъявленный анархист, и порой выкидывал такие фортели, за которые любого другого «загребли» и «упекли» бы в одночасье. Например, он один только и мог позволить себе заграбастать Хозяина в медвежьи объятия, и поцеловать его в засос.

В том числе, и поэтому я не считал его соответствующим занимаемой должности, которую он ещё и не занимал. Но, главное: у Чкалова не было ни опыта, ни знаний, ни желания заниматься этой работой. Это был лётчик, фанатично нацеленный на побитие всевозможных рекордов. Анархист, то есть. Разумеется, я имею в виду черты характера, а не формальное членство в этой, давно не существующей, партии. А то сейчас любое моё слово вырывается из контекста, и преподносится исключительно в одном ключе: «коварный злодей Берия тогда уже задумал расправу над X и Y, что доказывается его собственными словами». И дальше идёт «обрубок» моей фразы, сказанной совсем по другому поводу, но смонтированный уже с печальным финалом означенных X и Y.

Не знаю, насколько это верно, но ходил слушок, что Хозяин лично уговаривал Чкалова заменить Ежова, якобы даже уговорил его. Разговор этот якобы имел место в тридцать восьмом, на первой сессии Верховного Совета СССР. Но Чкалов, опять же якобы, «подписался на это дело» лишь под тем «соусом», что Хозяин позволит ему завершить испытание новой

машины конструктора Поликарпова, кажется, «И-180». По этим же слухам, окончательный разговор был перенесён на декабрь. Эти же слухи «отрядили» в не назначенные замы ещё не назначенного наркома товарищей Берию и Меркулова.

Не знаю, насколько всё это соответствует действительности. Хотя, если сопоставить даты и факты, вряд ли так оно и было. Ну, посудите сами. Чкалов погиб 15 декабря: уже можно было бы и составить разговор, хотя испытания самолёта были ещё далеки от завершения. Меня действительно назначили в замы, но не к Чкалову, а к Ежову! И не просто в замы – в первые замы, с явным прицелом на кресло «самого».

Идём дальше. Как я слышал от Хрущёва, хотя тот и соврёт – недорого возьмёт, якобы в присутствии их обоих с Ежовым Хозяин предложил дать Николаю Ивановичу заместителя. Так сказать, слегка «разгрузить» его, а заодно и «укрепить руководство». Ежов якобы попросил в замы Маленкова. Хозяин согласился с тем, что Маленков – достойная кандидатура, но таковой он является и на той должности, которую он занимает сейчас: Георгий тогда «сидел на кадрах». И тогда Хозяин, опять же якобы, предложил Берию, на что Ежов ответил дословно: «Берия может быть не только замом, но и наркомом».

Так оно было или нет, но 22 августа 1938 года товарищ Берия, Лаврентий Павлович, был назначен первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Я ещё не знал, что этим назначением заканчивается моя биография партийного работника, но она заканчивалась. Позади остался большой кусок жизни: целых семь лет, с октября тридцать первого по август тридцать восьмого. К сожалению, моего согласия на то, что чтобы он «остался позади», и не требовалось: «Партия сказала: «Надо!». Конечно, меня уведомили о принятом решении – а Хозяин даже утешил, но мои доводы «в пользу снятия своей кандидатуры» так и остались неуслышанными. Тем более что и «баллотировался» я «на безальтернативной основе».

Потом уже Хрущёв рассказывал мне, что панегирик Ежова в мой адрес Хозяин расценил как согласие, и тут же продиктовал Молотову проект указа. Классическое «без меня меня женили». При таком раскладе все мои доводы «против» было классическим же «гласом вопиющего в пустыне».

Ни настроем, ни настроением моим никто и не думал интересоваться. А ведь у меня не было ни первого, ни второго! Ну, вот, не лежала у меня душа к НКВД! Нет, не подумайте чего: я обеими руками – за карающий меч! Но только в смысле одобрения, а не хватания и размахивания им! По линии «практической работы» пусть это были бы другие руки.

А тут ещё – Никита со своими поздравлениями! И, вроде бы, поздравлял он меня от души, а складывалось такое впечатление, что подначивал. Радовался, гад, что не его «подставили»! Хотя, если бы глаз Хозяина упал на него, ох, Никитка и натворил бы дел! В известном смысле они с Ежовым – два сапога: по части усердия не по разуму! Но Николай Иванович хоть задумывался «над вопросом», а Никитка рубил бы головы, пока меч не затупится! Хотя, почему это я – в сослагательном наклонении?! Он и нарубил их в бытность, как в Москве, так и на Украине! Сейчас, небось, подчищает за собой следы – тот ещё гусь!

И я не выдержал:

– Чего, – говорю, – скалишься? С чем меня поздравлять? С тем, что из огня, да в полымя?! Сам, небось, не рвёшься на горящее место?! Потому что это не «горящая» путёвка в санаторий! Потому что горит здесь не только под креслом, но и под ногами! Так, что лучше помалкивай, налегай на водку и радуйся, что чаша сия – лучше той, которая тебя миновала!

И Никитка заткнулся: видимо, хоть что-то дошло.

Так, что по причине настроения, вернее, отсутствия его наличия, ни кусок не лез мне в рот, ни капля не лилась в глотку: Хозяин «попытался смягчить свою вину» хорошим обедом. Назначение состоялось – и хоть в стельку напейся, а утром всё равно «кошмар не рассеется»! Всё равно ты будешь первым заместителем наркома внутренних дел!

О том, какие завалы мне предстоит расчищать, я имел лишь самое общее представление. Это уже потом на Пленуме ЦК Хозяин скажет дословно так: «Ворошилов и его замы явно перестарались. Доверившись Ежову, они уволили из Вооружённых Сил около сорока тысяч командиров».

А пока ещё я не владел цифирью. Но для понимания того, что «дров наломали» изрядно, цифирь была не нужна. Достаточно было прогуляться по кабинетам отдельных наркоматов и учреждений: «новые всё лица». И только по одной причине: «иных уж нет, а те далече».

Мне показалось, что Хозяин полностью отдавал себе отчёт в сложности положения. Он не мог не понимать, что пресловутый «маховик репрессий» – это не «вечный двигатель». Сам он раскачиваться не будет. Значит, его кто-то раскачивает. И раскачивает умышленно. Не ошибусь, если «загляну в мозги Хозяина»: «продолжение репрессий делается уже специально для того, чтобы убрать его самого». Именно поэтому ему и потребовался человек, который смог бы затормозить каток, а по возможности и развернуть его в обратную сторону. Не в смысле, конечно, «отыграть время назад», «воскресить» и «реабилитировать». Но можно было поправить дело, определить не только «стрелочников» с «козлами», но и реальных «творцов подвигов НКВД». Можно было вернуть народ: кого – «целиком», кого – честным именем, а кого – лишь«светлым образом».

Как мне потом рассказывали знающие люди, в моём назначении Хозяина убедили две мои, не вовремя вспомянутые «доброжелателями» черты: решительность и отличное знание положения дел в Закавказье. Это произвело впечатление на него – и он произвёл меня. В замы. Замы замами, но я понимал, что воз мне придётся тащить в одиночку. Нет, не в том смысле, что одному: в том смысле, что не вместе с Ежовым, а вместо Ежова. Товарищ – пока ещё товарищ – готовился сдавать дела. Вернее, его готовили сдавать дела.

Должен признать, что сам Николай Иванович повёл себя в той ситуации достойно, если к ней вообще применимо такое определение. Я хочу лишь сказать, что он не стал суетиться у сейфа и разводить костёр в кабинете: весь компромат на себя он предоставил в распоряжение преемника в целости и сохранности. Это не Никитка, гонцы которого сейчас наверняка уже перелопачивают архивы в Москве и на Украине: «создают светлый образ посредством «ликвидации тёмных пятен».

Поскольку объём работ предстоял громадный: Хозяин желал проверить всё «творческое наследие» Ежова – я заручился согласием вождя на пришествие в НКВД группы товарищей. На «приток свежей крови», то есть. «Притекла она» в лице моих соратников по Грузии: братьев Кобуловых, Богдана Захаровича и Амаяка Захаровича, Рапавы Авксентия Нарикиевича, Гоглидзе Сергея Арсеньевича, Серова Ивана Александровича, Меркулова Всеволода Николаевича, Круглова Сергея Никифоровича, Абакумова Виктора Семёновича и некоторых других. Мужики сразу же «засучили рукава». Только не надо аналогий с образом палача. Лучше – с образом Геракла, «подписавшегося» на уборку Авгиевых конюшен. Вот, с кем надо проводить аналогии, даже при том, что, в отличие от нас, этот герой «закатывал рукава», отсутствующие у туники, ещё более условно.

Отчасти мне было жалко Николая Ивановича, но «дружба дружбой, а служба службой». Мы с ним действительно были в хороших отношениях, и приезжая в Москву, я нередко останавливался у него на ночлег. Вспоминается лишь одно неудобство, потому что всегда сверх меры: водочное гостеприимство. А так мы замечательно спелись с Николаем Ивановичем. В том числе, и в прямом смысле: у него был небольшой, но приятный голос.

Но теперь, чем больше завалов я разбирал, тем больше приходил к выводу о том, что песенка Ежова спета. И, что, в основном это был сольный номер: никакого «а капелло», никакого хорового исполнения. Это я к тому, что «перевести стрелки» на ЦК, а тем паче, на Хозяина, было «дохлым номером». Никто ведь не спускал ему плана на репрессии, никто не давал разнарядки, никто не определял персоналии и состав преступления. Да, была общая политиче-

ская установка, вытекающая из общей же политической линии, которая, в свою очередь, вытекала из общей политической ситуации. Но дальше уже Николай Иванович хозяйничал сам. Вот и нахозяйничал.

Пока мы с моей командой «заместительствовали» Ежову, сам Николай Иванович «продолжал работать наркомом»: пил по-черному, и много больше, чем прежде. Увы, есть много людей такого сорта: как только жареный петушок клюнул их в задницу, они сразу же задирают лапки кверху. И, хоть лапки у них задираются, а руки опускаются. Товарищи перестают бороться за кресло и за себя, и полностью отдают себя «в руки провидения». То есть, плывут по течению, сознавая при этом, что течение-то – не стихийное, а рукотворное, и управляется оно совсем не Божьим Промыслом!

Через несколько дней, точнее, 8 сентября, бывший первый заместитель Ежова Михаил Фриновский был освобождён от обязанностей начальника УГБ НКВД: Управления государственной безопасности. Его назначили… наркомом Военно-Морского Флота, с присвоением звания командарма 1-го ранга! Из комкора – сразу через три ступени! Хорошее «понижение»! Дивны дела Твои, Господи: сухопутного энкавэдэшника, ни дня не служившего на флоте – в наркомы ВМФ!

Честно говоря, я не понял! Не понял, зачем это нужно было Хозяину! Дополнительно скомпрометировать первого зама Ежова, чтобы к моменту начала процесса тот был «доведён до нужной кондиции»? Так, ведь, это можно было сделать и менее экзотическими способами! Мало ли у нас гражданских должностей на суше, на которых можно «утонуть» не хуже, чем на море?! Тем более что Фриновский, к его чести, тут же написал рапорт с просьбой об освобождении его от занимаемой должности под тем предлогом, что не знает службы.

Но, как бы там ни было, а люди Ежова стали уходить. Точнее, «их стали уходить». Лично мною. Мне не нужны были одиозные персонажи вроде Фриновского. Но, если тот ещё знал дело и умел работать не только руками, то такие одиозные персонажи, как Ушаков, мне не нужны были вдвойне: этот использовал голову только в качестве «тупого твёрдого предмета». Не нужны были мне и все прочие соратники Ежова: его заместители Агранов, Берман, Бельский, Жуковский, Заковский, Курский, Рыжов. По разным причинам не нужны. Главная состояла даже не в том, что «ты виноват лишь тем, что хочется мне кушать». Увы, каждый из них заслуженно соответствовал образу того «чёрного кобеля», которого «не отмоешь добела». Соответствовал потому, что «наработал» этот образ – и на него – на все сто процентов и на все статьи Уголовного кодекса сразу. Никто в «козлы отпущения» их не определял – они сами себя определили туда. Да и работнички они были – все, до единого, «с искривлёнными мозгами». По-новому они работать не умели, а по-старому я бы им не дал: для того Хозяин и поставил меня на НКВД.

Через три дня после феерического «производства сухопутного моряка» произвели и меня: я стал Комиссаром государственной безопасности 1 ранга. Это – звезда и четыре ромба в петлице, как у командарма 1 ранга (генерал армии «на сегодняшние деньги»). Три недели я исполнял обязанности начальника УГБ – при деятельном участии Севы Меркулова – пока, наконец, 29 сентября не был утверждён ещё и в должности начальника ГУГБ. Меркулов официально стал моим замом в ГУГБ, а ГТУ (Главное транспортное управление) и ГЭУ (Главное Экономическое управление) возглавили мои выдвиженцы, соратники по Грузии Соломон Мильштейн и Богдан Кобулов соответственно.

Почему я так хорошо помню даты? Ничего удивительного: следствие «помогает». Да и даты – не простые: судьбоносные. Правда, цели вспоминания их у нас с Генеральным прокурором разные, как и по большинству других фактов, которые привожу я, или которые «всплывают» в ходе следствия. Следствие законно опасается того, что эти факты могут «заговорить» в мою пользу, а это не отвечает задачам следствия. Поэтому у нас с ним и его «кураторами

из Кремля» к факту разные подходы. Они «подходят» лишь для того, чтобы вывернуть всё наизнанку и поставить с ног на голову, а я лишь восстанавливаю статус-кво.

Так и с этими датами. Гражданин Руденко всё время норовит выдать их за доказательство моей причастности к репрессиям. По его версии, я всего лишь «упорядочивал репрессии», «вводил в заблуждение общественность» своим якобы гуманизмом, и «симулировал верность закону».

Отталкиваясь от его же «идеи», я предложил Роману Андреевичу тоже «симулировать верность закону» – и «ввести в заблуждение общественность» тем, что сделать следствие по моему делу гласным, а суд – открытым, со всеми «упорядочивающими элементами»: с защитником, с прениями сторон, с публикой! Ну, или хотя бы удовлетворить заявленное мной ходатайство о проведение очных ставок с «изобличителями». Тем более что формальных оснований – хоть отбавляй: противоречия в показаниях – через слово.

Побледнев и ужаснувшись перспективы, Генеральный прокурор… нет, не «двинул путём симуляции гуманизма и верности закону»: всего лишь перестал настаивать на первоначальной версии. Вместо неё он тут же выдвинул другую: якобы я «выполнял установку Высшей Инстанции», но не о наведении порядка, а всего лишь о «перекуре» в репрессиях. Товарищ упорно не слышал меня, потому что не услышал того, чего хотел. И я понял, что это – стена, которую не прошибить ни доводами, ни головой. А ещё я понял, что мне на собственной шкуре предстоит убедиться в том, что «наш советский суд – самый гуманный суд в мире».

Но вернёмся в тридцать восьмой. Внимательный читатель, наверняка, уже заметил разницу в названиях: УГБ и ГУГБ. Но это не просто разница, тем более, формальная, типа «что в лоб, что по лбу». Дело в том, что 28 марта 1938 года существовавшее ГУГБ было расформировано, и на его базе создали 1-е управление (Управление Государственной безопасности, УГБ), 2-ое управление (Управление Особых отделов, УОО) и 3-е управление (Управление транспорта и связи, УТС). Начальником 1-го управления и стал тогда первый заместитель наркома комкор Фриновский.

Когда я начал вникать в вопрос, то сразу же понял, насколько был прав в своё время Ильич, когда говорил о том, что у нас развелось слишком много желающих всё перестраивать. Он ещё тогда сделал правильный вывод: «от этих перестроек случается такое бедствие, что большего бедствия я в жизни не встречал». Расчленение ГУГБ вело к ненужному дублированию, параллелизму, конкуренции и распылению сил отдельных служб. Вместо того чтобы бороться с врагом, они уже начинали бороться друг с другом. А разведка, тем временем, «доходила». Да и аппарат раздули: как-никак, три отдельных управления вместо одного. Отсюда и перерасход финансов.

Я не стал дожидаться исполнения пророчества Ленина – у, в части «бедствия» – и убедил Хозяина в необходимости восстановить статус-кво. Убедил именно Хозяина, потому что наркому было не до службы: он мужественно боролся с горем – посредством немереных возлияний. Поэтому 29 сентября полугодичный эксперимент «с расчленением» приказал долго жить, и я возглавил уже воссозданное ГУГБ.

Должен сказать прямо: не люблю я «нулевой цикл». Ну, это когда приходишь на должность и вместо того, чтобы сразу же заняться делом, начинаешь «расчищать площадку», «устраивать фундамент и нулевой этаж».

А всё потому, что ещё не хозяин, пусть всего лишь де-юре. Это не только довлеет: мешает. Хорошо ещё, что Хозяин вовремя определил моё состояние и не стал затягивать с переходным периодом. Да и Николая Ивановича, грешным делом, следует помянуть добрым словом: мало того, что он мне не мешал, хотя и не помогал, так ещё, протрезвев, написал заявление в Политбюро с просьбой освободить его от занимаемой должности. Понял мужик, что он уже – не «второй медведь в берлоге», а «бревно на дороге». Понял – и сам подставил плечо под один конец: под другой уже пристраивались вчерашние коллеги.

Совершил этот подвиг он 23 ноября, а уже 25 ноября я стал наркомом внутренних дел. Николая Ивановича пока ещё без конвоя препроводили в ЦК, где он секретарствовал, совмещая это дело с Комитетом Партийного контроля. На дорожку его ещё нагрузили портфелем наркома водного транспорта, а я, наконец, занял его кабинет. «Наконец» не потому, что сам заждался: дело заждалось.

Глава одиннадцатая

16 декабря я добился утверждения Севы Меркулова в должности своего первого заместителя и одновременно – начальника ГУГБ. Теперь можно было не оглядываться на Ежова и «чистить ряды по полной программе». Первым делом я «раздал всем сестрам по серьгам»: замы Ежова Агранов, Берман, Бельский, Жуковский, Заковский и Рыжов должны были предстать перед судом «по совокупности трудовых достижений». Вообще-то, должен был предстать и Курский. Но до того как предстать, тот «преставился» – через приставление дула к виску. Да и Рыжова не получилось довести до заслуженной стенки: «ускользнул по дороге». Надеюсь – не в лучший мир, которого он не заслужил так же, как и те, кто «состоялся по части стояния у стенки».

Из «наследия» своего предшественника я оставил на посту только Чернышова. И не потому, что он, единственный из всех, не запятнал «белоснежных риз чекиста». Несерьёзно говорить об этом – при его-то должности начальника ГУЛАГа. Но ведь должность можно справлять по-разному – даже такую. Принимая решение об оставлении его не только в списках живущих на этом свете, я исходил из того, что из всех замов Ежова он, единственный, был человеком дела. Конечно, учитывалось и то, что он «не имел, не состоял и не привлекался». Мужик лишь принимал: сначала – контингент, а затем – меры к его трудоустройству. В политику он не совался, на трибуну не лез, в следственных кабинетах пистолет в качестве тупого твёрдого предмета не использовал, потому что и не появлялся там – какие могли быть к нему претензии?

В спешном порядке – уже надо было заниматься делом – я расставил на посты своих людей. А, что, тут, такого? Да, своих! А кого ещё я должен был расставлять? Так называть «старых большевиков»?! Так это именно их грехи я сейчас и должен был отмаливать! И, потом: какого чёрта я должен окружать себя чужаками, зная, что за результат будут спрашивать с меня?!

В том числе, и за результат не только своей работы, потому что начальник отвечает за всех и вся! Ну, как тот владелец источника повышенной опасности в гражданском праве. И, мало ли, что за рулём твоей машины сидит наёмный работник: машина-то – твоя, твоего парка!

Поэтому бывший зам НКВД Белоруссии Иван Масленников стал моим заместителем по войскам. Сергея Круглова я поставил Особоуполномоченным НКВД (следствие по делам сотрудников НКВД) – аналог управления собственной безопасности в спецслужбах капиталистических стран. В плане соблюдения законности – чрезвычайно ответственный пост, значимостью не меньше прокурора по надзору за следствием и дознанием. В Академии РККА я давно уже приглядел Виктора Бочкова, мужика с мозгами и совестью. И с тем, и с другим – в меру, конечно: в количестве, требуемом для надлежащего исполнения обязанностей. Его я планировал на должность начальника Главного Тюремного управления. Забегая вперёд, скажу, что я не ошибся в перспективах товарища: в августе 1940 года Бочков стал Прокурором СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.